

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
“КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ”

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

№ 3-4 (том XXXII)
2018

Москва

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The UNESCO Chair on copyright
and other intellectual property rights
Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности

Главный редактор

М. А. Федотов (Советник Президента Российской Федерации, Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, директор Научно-методического центра “Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности”, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации)

Редакционный совет:

Ю. М. Батурин (член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор), И. Л. Бачило (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации), И. А. Близнец (доктор юридических наук, профессор), М. М. Богуславский (доктор юридических наук, профессор), Ю. Л. Бошицкий (кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Украины), Э. П. Гаврилов (доктор юридических наук, профессор), М. А. Краснов (доктор юридических наук, профессор), А. Н. Козырев (доктор экономических наук, профессор), В. В. Орлова (доктор юридических наук, профессор), М. И. Пастухов (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь), С. В. Потапенко (доктор юридических наук, профессор), И. М. Рассолов (доктор юридических наук, профессор), А. П. Сергеев (доктор юридических наук, профессор), Л. С. Симкин (доктор юридических наук, профессор), В. Н. Синельникова (доктор юридических наук, профессор), А. А. Тедеев (доктор юридических наук, профессор), И. Г. Шаблинский (доктор юридических наук, профессор), С. К. Шайхитдинова (доктор философских наук, профессор)

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАФЕДРЫ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

№ 3-4 (том XXXII)
2018

Москва

Научный журнал “Труды по интеллектуальной собственности”
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45963
от 15 июля 2011 г. ISSN 2225-3475.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук,
вступивший в силу с 1 декабря 2015 года

Учредитель и издатель:

АНО “Творческий Центр ЮНЕСКО”, г. Москва

Адрес редакции:

117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.

Тел. +7-499-238-31-39

www.unescochair.ru

unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Адрес для корреспонденции:

123022, г. Москва, Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436,
Кафедра ЮНЕСКО

Издается с 1999 г. (бюллетень “Труды по интеллектуальной
собственности” зарегистрирован Госкомпечати России 28 мая 1999 г.,
свидетельство № 018878). Журнал посвящен актуальным
проблемам авторского права, информационного права,
прав интеллектуальной собственности. Плата за публикацию
материалов в журнале не взимается ни в какой форме.
Все представленные материалы в обязательном порядке
проходят научное рецензирование. Перепечатка статей
без согласия правообладателей запрещена
в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.

При подготовке журнала использована система «КонсультантПлюс»

Подписные индексы:

Объединенный каталог “Пресса России” - 11287

© Составление.

Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и
другим правам интеллектуальной собственности, 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юридические науки

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИНТЕРНЕТ	
<i>Монахов В. Н.</i> Первая онлайн-вая информационная свобода. Бэкграунд. Современное состояние. Перспективы развития	5
<i>Кумылганова И. А.</i> Британский опыт регулирования электронных инфокоммуникаций	57
ИМУЩЕСТВЕННЫЕ И НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА	
<i>Кокина С. Б.</i> Правовой статус режиссера-постановщика спектаклей	76
<i>Ковалёва Е. В.</i> Генезис договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования	99
ФИНАНСЫ И ПРАВО	
<i>Яковлева М. А.</i> Финансово-правовые и экономические основы интеграции на постсоветском пространстве	109
<i>Тедеев А. А.</i> К вопросу об источниках российского валютного права	120
СОЦИУМ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО	
<i>Тыцкая Г. И.</i> «Гармония» и «аристократия» в контексте культурного пространства	136
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	147

CONTENTS

Legal sciences

HUMAN RIGHTS AND THE INTERNET	
<i>Monakhov V. N.</i> The first online information freedom. Backyear. The current state. Development prospects	5
<i>Kumylganova I. A.</i> British experience in regulation of electronic infocommunications	57
PROPERTY AND NON-PROPERTY RIGHTS	
<i>Kokina S. B.</i> Legal status of production director	76
<i>Kovaleva E. V.</i> Genesis contract for rental of housing stock of social use	99
FINANCE AND LAW	
<i>Yakovleva M. A.</i> Financial-legal and economic bases of integration in the post-Soviet space	109
<i>Tedeev A. A.</i> On the question of sources of Russian currency law	120
SOCIAL AND CULTURAL SPACE	
<i>Tytskaya G. I.</i> «Harmony» and «aristocracy» in the context of cultural space	136
ABOUT THE AUTHORS, ABSTRACT AND KEYWORDS IN ENGLISH	147

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИНТЕРНЕТ

В. Н. МОНАХОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», главный эксперт Научно-методического Центра «Кафедра ЮНЕ-СКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции 1-ого класса, экс-член Третьего информационного суда (1993), Экс зам Председателя Судебной палаты по информационным спорам при Президенте России (действовала 1994–2000 гг), экс член Большого Жюри СЖР (1998–2005), Член Общественной коллегии по жалобам на прессу (123022, г. Москва, Б. Трёхсвятительский пер., дом 3, тел.: (495) 772-95-90)

ПЕРВАЯ ОНЛАЙНОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОБОДА: БЭКГРАУНД, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: свобода выражения; свобода слова; свобода информации; свобода массовой ин-

¹ Статья подготовлена в рамках научного исследования по теме «Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект» (грант РФФИ 18-011-00406) с использованием справочной правовой системы «Консультант Плюс 3000».

формации; глобальное информационное общество; глобальные медиа; киберпространство; викилизация мирового информационного пространства; цифровой мировой информационный порядок; право; этика; регулирование; ограничения; ответственность

Аннотация: В статье раскрывается понятие, социальная роль и значение одной из самых значимых свобод формирующегося глобального информационного общества XXI века – свободы выражения, с информационно-правовым акцентом на ее базовую составляющую – свободу слова. Анализируется ряд вопросов и проблем, возникающих в ходе этико-правовой защиты этой свободы, по мере своего развития в цифровой среде *de facto* обретающей качества первой онлайн-информационной свободы. В этом качестве она заменяет свою оффлайновую предшественницу, в частности, закрепленную первой поправкой к Конституции США, как известно лишившей Конгресс этой страны компетенции регулировать свободу устного или печатного выражения своего мнения. Выдвигаются и обосновываются предложения, поддерживающие соответствующие информационно-правовые и иные доктринальные и законодательные новации, призванные адекватно ответить на вызовы страдающего радикальным контрэлитным популизмом и, в силу этого, – зримо и опасно хаотизирующегося, мира первой четверти XXI века. Автором делается попытка показать горизонты и конкретные очертания новой цифровой реальности в которой живет и реализуется современный фор-

мат свободы слова. В частности, юридически отразить расширяющиеся прецеденты викилизации мирового информационного пространства, исследовать роль и особенности институтов САМОрегулируемого и СОрегулируемого в решении правовых и этических проблем, возникающих в ходе этих процессов. Автор статьи в своих конкретных предложениях по совершенствованию регулятивных воздействий на реализацию и развитие первой информационной онлайн-свободы не претендует на их окончательность и завершенность, но достаточно уверенно обозначает направления дальнейшей работы международного и национальных сообществ по поиску необходимых международно-правовых и национальных регулятивных инструментов, обеспечивающих гармоничное и устойчивое развитие этой свободы в условиях цифровой среды.

Я не вижу никакой опасности для мира в целом, если кто-то будет пытаться ограничить свободное распространение информации через Сеть. Контролировать интернет невозможно. Рано или поздно свобода победит.

*Билл Гейтс,
Из выступления в Стэнфордском университете
19 февраля 2014 года*

*«— Вы думаете, я ученый, начитанный человек?
— Конечно, — ответил Цзи-гонг. — А разве нет?
— Совсем нет, — сказал Конфуций. —
Я просто ухватил одну нить, которая связывает
все остальное»*

*Конфуций, «Лунь Юй» (Беседы и суждения)
V век до н. э.*

Свобода слова – это одна из основ, на которой действует современная демократия. В частности, потому что ее реализация позволяет выявлять и учитывать многообразие мнений и убеждений членов социума, способствует росту конструктивной гражданской активности, является непременным условием формирования не муляжного, а полноценного и эффективного гражданского общества и правового государства.

Свобода слова, с одной стороны, уверенно входит в состав основных прав и свобод граждан, а с другой – с той же степенью уверенности выступает в качестве одного из главных механизмов реализации права граждан на участие в управлении общественными делами, принципа народовластия и публичности власти.

Бэкграунд понятия

Приступая к анализу информационно правового измерения свободы слова в его современном, цифровом формате не будем забывать, что как отдельное социальное явление «*Свобода слова*» известна человечеству с незапамятных времен, с самых ранних этапов его развития¹.

¹ Один из крупнейших российских цивилистов XIX века Г. Ф. Шершеневич вполне обоснованно считал историческое исследование необходимым, предварительным условием «для систематического изучения гражданского права и для критики его с точки зрения законодательной политики». (*Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Вступ. ст. Е. А. Суханова. М.: Спарк, 1995. С. 15*). Нет сомнения, что и для такой пусть несравненно более молодой – в сравнении с гражданским правом – отрасли права, как *информационное*,

Естественно, что его словесное, понятийное представительство как в научном, так и в быденном обороте в результате долгой эволюции способов, форматов реализации свободы выражения, свободы слова неоднократно менялось. Первичными протоформами распространения, назовем это так, – *продукции тогдашней свободы выражения*¹, видимо, являлись *язык жестов, наскальные рисунки, тамтамы*.

С появлением *языка* наши далекие предки начали широко использовать формат «из уст в уста», а с появлением *письменности*² в ход пошли разно-

особенно в период начала работ по осмыслению возможностей систематизации его норм в форматах Информационного, Инфокоммуникационного или Цифрового кодексов, такого рода обращения к историческим корням современной свободы слова весьма полезна.

¹ Авторы комментария к Конституции РФ, подготовленного Институтом государства и права РАН (Конституция РФ. Научно-практический комментарий / Под ред. Б. Топорнина. М., 1997, уверенно включают в формы производства и распространения информации *художественные формы выражения*, тем самым связывая свободу слова и право на информацию с принципом свободы творчества, зафиксированным в ст. 44: Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, технического и других видов творчества, преподавания».

² Интересно отметить, что отношение человечества к постоянно обновляемым *форматам* свободы выражения практически всегда отличалось тем, что предрекало сход с мировой коммуникативной арены предыдущих форматов. Вспомним соответствующие конструкты: «кино убьет театр», «телевизор убьет и кино и театр» et setera Известный итальянский обществовед и писатель Умберто

образные носители письменных знаков. От естественных природных носителей – камня и дерева, к носителям, уже непосредственно подготовленным для восприятия информации человеком и более надёжного хранения – бересты, пергамента, металла, бумаги.

В настоящее время в условиях глобального информационного общества и цифровой эпохи пальму первенства в деле реализации свободы слова уверенно держат компьютерные сети, а ее сегодняшним носителем стало *электромагнитное излучение*. Что же касается дня завтрашнего, когда в полной мере заявит о себе мир квантовых технологий, то, как говорится, «поживем – увидим», но вполне вероятно, что указанную пальму первенства перехватят *сети квантовой информации*¹, а ее носителем станут *искусственные нейронные сети*².

По мере развития технологической базы своей реализации свобода слова получала новые словесные обозначения: *свобода печати, свобода радио-*

Эко обнаружил проявления аналогичного мирового скепсиса даже к появлению письменности. В частности, он напомнил, что в свое время люди с опаской отнеслись (тому есть письменные свидетельства) к ее появлению – как к тому, что *убьет память*. (Эко У. От Интернета к Гуттенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32).

¹ См. об этом: *Баумейстер Д., Эжерт А., Цайлингер А.* Физика квантовой информации. М.: Постмаркет, 2002.

² *Осовский С.* Нейронные сети для обработки информации = *Sieci neuronowe do przetwarzania informacji* (польск.) / Пер. И. Д. Рудинского. М.: Финансы и статистика, 2004.

*вещания, свобода телевидения*¹. В настоящее время она уже обрела качества одной из базовых сетевых, онлайнных свобод, *de facto* обретая статус *первой онлайнной информационной свободы*, но пока не получила общепризнанного краткого словесного обозначения, по типу своих старших, вышеуказанных инфокоммуникационных сестер.

В лучшем на сегодняшний день отечественном исследовании реализации свободы слова, принадлежащем перу академика В. Н. Кудрявцева², ее базовые параметры и особенности воплощения в реальную жизнь описываются следующим образом.

«Краткое ознакомление с возможностями и особенностями языка, *слова*, общения свидетельствует о том, что эта сфера весьма непростая. Она охватывает весь мир, всю жизнь человека, его прошлое, да и будущее. А это, в частности, значит, что совокупность языковых проблем не может не порождать самых различных внутренних и внешних противоречий.

Не касаясь здесь лингвистической проблематики, остановимся только на социальной стороне вопроса. А она может быть охарактеризована как *длительная, постоянная, подчас ожесточенная борьба двух направлений*: стремления к расширению общения, к свободе слова, и к ее сужению, ограничению, запретам.

¹ См.: Монахов В. Н. Свобода вещания как результат конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С. 4–21.

² См.: Кудрявцев В. Н. Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006.

«Во влиянии языка на человечество, – писал В. Гумбольдт, – обнаруживается прочность законов его устройства, в воздействии человека на язык обнаруживает свою силу начало свободы»¹.

Вот это «начало свободы» и претерпевало жестокий нажим со стороны *государства, церкви, подчас – общественного мнения*, устанавливавших границы свободомыслия².

Эти границы, разумеется, были исторически изменчивы и подвижны. Они определялись условиями политического и духовного развития общества, государственным строем, а то и произволом власть имущих. Поэтому отнюдь не случайно, что в ходе всей мировой истории велась ожесточенная борьба за расширение (или сужение) рамок дозволенного и запрещенного.

«Конечно, язык как социальный институт не является политическим образованием, – писал П. Ри-

¹ Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. СПб., 1859. С. 62.

² Вспомним, знаменитую фразу: Вначале было СЛОВО! Оно родилось и получило легальные основания для своего развития именно в религиозной сфере жизни. Среди прочих социальных институтов именно церковь, еще до государства осознала его благотворную и, одновременно, разрушающую силу. И именно в лоне церкви (католической) на земле родилась первая ЦЕНЗУРА. В России уже в XVII веке в библиотеке Соловецкого монастыря были книги с резолюцией: *сия повесть ложная, не чести ее публично*. См. об этом: Батурич Ю. М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 134–142.

кёр¹, – однако ясно, что *при плохом политическом режиме* может происходить деформирование словесной коммуникации из-за систематического обращения ко лжи и лести и постоянного ощущения страха».

К счастью, как неопровержимо нам свидетельствует история, такое деформирование не может длиться вечно. Прежде всего потому, что оно серьезно искажает нормальный ход общественного развития и этот непреложный факт очень хорошо иллюстрирован академиком В. Н. Кудрявцевым в его указанной книге на многочисленных примерах тысячелетнего развития института свободы слова в самых разных культурах человечества. В частности, он отмечает, ссылаясь на Вольтера, «...нет у людей никакой свободы без свободы высказывать свои мысли»².

В контексте такого понимания свободы, выражаясь современным языком, можно отметить, что свобода слова является матрицей, необходимым условием для соблюдения всех остальных форм свободы.

Широта, глубина и разнообразие свободно распространяемых в социуме экономических, политических, правовых, нравственных, идей способствует внедрению в его жизнь фундаментальных демократических принципов. Известный русский юрист Е. Н. Тарновский указывал на то, что «свобода личности более всего утверждается и подтверждает»

¹ Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995. С. 43.

² Вольтер. Избранные произведения. М., 1938. С. 327.

ется свободой печати и слова»¹. Свобода мысли и слова – существенный фактор раскрытия человеческой индивидуальности, подтверждение уникальности каждой личности.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что определенная размытость понятия «свобода слова», в котором до сего дня наличествует много символики, недосказанности и двусмысленности, облегчает попытки его разнообразной инструментализации. И, естественно, прежде всего в политической сфере.

В ситуациях актуализации необходимости надлежало бы противостоять такому рода попыткам будет очень полезным учет тех *общих особенностей*, которые присущи описанной В. Н. Кудрявцевым ожесточенной борьбе за расширение (или сужение) рамок дозволенного и запрещенного в реализации свободы слова, а также сопутствующим этой борьбе тенденциям и вызвавшим ее причинам. В упомянутой выше работе академик В. Н. Кудрявцев, эти *общие особенности* сводит к следующим постулатам:

1) регулярные изменения (колебания) общего отношения к проблеме свободы слова: *с одной стороны, расширение прав личности и общества, с другой – их сужение*. История убедительно связывает эти колебания с социально-политической обстановкой в соответствующей стране, образом правления, влиянием религии и государственной власти;

2) изменение сфер высказываний (текстов), отражающих идеи свободомыслия. Главные ориен-

¹ *Тарновский Е. Н.* Четыре свободы. СПб., 1995. С. 182.

тации этих идей исторически сводились к трем: *религия, государственная власть, личность*;

3) изменение представлений о недопустимых формах использования языка, об оскорбительном и обидном, о порицаемом или похвальном. Здесь основную роль имели и имеют местные социокультурные особенности, национальные традиции и формы человеческого общения, короче говоря – общественные нравы;

4) изменение реакции государства и общества на отклонения от нормативов общения. Это легко прослеживается при анализе юридических источников разных времен и народов. В целом можно констатировать *ослабление репрессий и рост терпимости к различного рода высказываниям*. Однако это лишь общая историческая тенденция, которая неоднократно нарушалась (вспомним тоталитаризм XX в.).

Новые проблемы. Современный глобализированный мир порождает новые проблемы, связанные со свободой слова. Это, во-первых, международные и национальные гарантии права на свободу слова как одного из основных прав человека. Во-вторых, механизмы осуществления этих гарантий, иначе говоря – формы и методы охраны и защиты свободы выражения мнений не только юридическими, но и иными средствами. В-третьих, проблема расширения и упорядочения международного общения, чтобы сделать его вполне доступным для каждого жителя Земли. В-четвертых, совершенствование технических средств языковых коммуникаций, в том числе более широкое использование математических, логических и иных знаковых

систем, понятных для всех ими овладевших независимо от их национального («родного») языка. Наконец, в-пятых, – новая проблема формализации, догматизации деловых, профессиональных, служебных текстов, постепенно вытесняющих свободную мысль и свободное ее выражение в языковой практике»¹.

Европейский опыт защиты свободы слова

Уже 65 лет основополагающим средством обеспечения свободы слова в европейском правовом пространстве являются нормы статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод² (далее – ЕКПЧ или Европейская конвенция), которая была открыта для подписания в 1950 году, обрела общую юридическую силу в 1953 году, а для России днем ее вхождения в европейское судебно-правовое пространство стало 5 мая 1998 года.

Именно с этого майского дня, памятного старшим поколениям журналистов во всех странах СНГ в качестве дня советской печати (каприз истории или историческое знамение?!), граждане России приобрели право и реальную возможность защищать свои права и законные интересы в *Европейском суде по правам человека*.

Именно он выступает в роли базового органа контроля за соблюдением Европейской конвенции в 47 государствах-членах Совета Европы, рассматривая индивидуальные жалобы на нарушения норм

¹ Кудрявцев В. Н. Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006. С. 31–32.

² <https://www.echr.coe.int>

ЕКПЧ против подписавших её государства (далее возможно – ЕСПЧ или – Европейский Суд)¹.

В контексте данного исследования представляется принципиально важным отметить, что ЕКПЧ, в той ее части, которая формулирует права и свободы, исходит из положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которые квалифицированы Международным судом ООН в качестве общепризнанных принципов международного права в сфере прав и свобод человека².

В частности, нормы ее статьи 10 содержательно воспроизводят, пусть и не со 100% терминологической точностью, позиции норм статьи 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Исходя из темы нашего исследования, его читателям будут особо интересны позиции статьи 19, касающиеся важной процессуальной составляющей нормативного выражения *международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации*.

Эти позиции нормативно представлены в обоих статьях (и 10-ой и 19-ой) следующими двумя процессуальными *условиями реализации* этого *международно-правового принципа*.

Первое условие закрепляет возможность для каждого субъекта *свободы поиска, получения и*

¹ <https://www.echr.coe.int>

² См. об этом: *Коротеев К. Н.* Место Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аргументации решений Конституционного Суда РФ: от переезда в Санкт-Петербург до дела Константина Маркина // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

распространения информации в ходе реализации вышеуказанных информационных правомочий использовать «любые средства» (Всеобщая Декларация), в том числе «свободу получать ... информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей» (ЕКПЧ), а второе установило для использования такого рода свободного использования «средств» поиска, получения и распространения информации *особый международно-правовой режим «независимости от государственных границ»*.

Иными словами, мы видим, что авторы обоих важнейших международно-правовых документов XX века, закрепляющих общепризнанные принципы и нормы международного (а ныне и информационного!) права в сфере прав и свобод использовали при этом некий технико-правовой прием, который можно определить как *двухстадийный* вариант закрепления, аффилированных друг с другом прав и свобод. На *первой стадии* речь идет о правомочиях по доступу каждого к любой общедоступной информации, на *второй* о свободе каждого на дальнейшие законные операции с нею.

Такой двухстадийный вариант представляется вполне обоснованным, уже хотя бы потому, что позволяет минимизировать так называемый «*эффект Максима Горького*» и иже с ним. Под этим «брендом» имеется в виду ситуация, при которой человек формирует определенное суждение исключительно на базе его изначального отключения от нежелательных для властей предрержащих источников информирования или даже сознательно-го дезинформирования.

В тех странах, где действовал или продолжает действовать «*эффект Максима Горького*» за гражданином может формально признаваться право свободно **выражать** свое мнение, но он будет либо совсем лишен, либо серьезно ограничен в практической возможности свободно и полноценно **формировать** собственное мнение.

Увы, исторический опыт второй половины XX века заставляет нас признать, что данный, закрепленный в середине XX века нормативно правовой подход, в своем двухстадийном (стадия формирования собственного мнения и стадия его внешнего выражения) варианте *полноценно не работал*.

В частности, в процессе высшей европейской судебно-правовой защиты норм права, содержащихся в статье 10 ЕКПЧ, в основном защищались правомочия входящие во вторую содержательную стадию. А именно, – в части свободы каждого на дальнейшие законные операции с полученной им информацией.

Все это время Европейский Суд разрешал спорные вопросы, касающиеся по преимуществу оценки юридического качества того или иного контента, *распространяемого* в публичном пространстве тем лицом, на которого в ЕСПЧ поступила жалоба.

Уверен, что оценивая сегодня общественную значимость, закрепленных в самых статусных международно-правовых документах середины XX века двух выше указанных процессуальных *условий реализации* международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации, в особенности в части свободного использования при этом *особого международно-*

правового режима «независимости от государственных границ» мы вполне обоснованно можем метафорически квалифицировать подобное закрепление инфраструктурной составляющей реализации *международно-правового принципа свободы поиска, получения и распространения информации* в качестве своеобразного «подарка на вырост» от предшествующей исторической эпохи, где главным носителем информации и знания была бумага, нам – людям живущим в мире цифровой по форме информации и знаний.

Дело в том, что практическое воплощение в жизнь базового качества этого «подарка на вырост», а именно – *независимость от государственных границ* – в условиях времени формулирования его содержания (конец 40-х – начало 50-х годов XX века) ни политически, ни технологически, ни экономически не могло быть обеспеченным.

Ведь именно в то время существенно давали о себе знать тяжелейшие экономические последствия Второй мировой войны, а холодная война, породившая в США явление маккартизма, а в СССР – массированное наступление на творческую интеллигенцию (основного актора работы с информацией и знаниями!), набирала обороты!¹)

Далее позволю себе сделать вывод о том, что как сам *международно-правовой принцип свободы поиска, получения и распространения информации*, так и вышеуказанная пара процедурных условий его реализации появились на свет именно в это

¹ См. об этом: Кудрявцев В. Н. Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006. С. 68, 93–94.

время отнюдь не случайно. Это была нормативно-правовая реакция международного права на трагические последствия своеобразного недуга мирового сообщества того времени, который опять же метафорически можно определить как некий *общественный иммунодефицит*, в свою очередь во многом вызванный именно *общественной информационной недостаточностью*.

Этот общественный недуг сыграл свою роковую роль как в период развязывания, так и в ходе Второй мировой войны. Уроки этой мировой бойни четко и зримо показали, что вопросы войны и мира в современных условиях приобрели столь важное общественное значение, что доверять дело их информационного обеспечения только политикам, только государствам отныне уже стало невозможным.

Однако закрепленные «на бумаге» международно-правовые установления, определяющие *условия реализации принципа свободы поиска, получения и распространения информации*, в силу указанных выше причин, долгие тридцать с лишним лет находилась практически в «спящем» правовом состоянии. При этом, в состоянии практически беспробудного «сна» находилось именно второе условие этой реализации, то есть – *особый международно-правовой режим «независимости от государственных границ»*.

И только с модернизацией технологической базы мировой информационно-коммуникационной деятельности, чье развитие привело к появлению на мировой информационно-коммуникационной арене так называемых *глобальных медиа* (на дан-

ный момент к их числу относятся спутниковое вещание и интернет), ситуация стала постепенно меняться.

Правовые проблемы развития глобальных медиа вынудили судей ЕСПЧ, сначала обратить внимание к правам каждого по доступу к любой общедоступной информации. А вслед за вниманием к этим вопросам, пришло понимание социальной и личностной важности свободного *поиска* социально и личностно потребной информации.

Именно взрывное развитие в первое десятилетие XXI века широкополосного интернета и спутникового ТВ (сегодня именуемыми глобальными медиа) сформировало полноценную *информационно-технологическую базу реализации* вышеуказанного двухстадийного блока международно-правовых и информационно-правовых процедурных правомочий.

На сегодняшний день именно *спутниковая и компьютерная (онлайновая) коммуникации* составляют костяк информационно-технологической базы реализации подлинно планетарной свободы поиска, получения и распространения информации в своей совокупности, обеспечивающей **право** населяющих нашу планету **народов знать** (right-to-know¹). Которые в своем правовом и этическом

¹ По свидетельству известного российского исследователя японской модели «права знать» В. Н. Еремина, словосочетание «право знать» впервые было использовано одним из руководителей «Ассошиэйтед пресс» Кентом Купером в январе 1945 г. См. об этом: *Еремин В. Н. Правовое регулирование деятельности СМИ в Японии // Япония мнимая и реальная: Сборник лекций по японистике,*

опосредовании – и это принципиально важно подчеркнуть – уже сегодня существенно вышли за пределы национальных юрисдикций, а *соответствующими наднациональными юрисдикциями или иными эффективными социальными регуляциями пока не оснащены.*

Агверанская инициатива как вариант такого оснащения

Указанный вызов последних двух десятилетий, требует адекватного и своевременного ответа, который, среди прочих, пытается предложить

Агверанская инициатива. В частности, обосновывая необходимость обеспечить надлежащими правовыми, этическими и институциональными позициями и структурами уже существующую и неудержимо развивающуюся технологическую базу реализации глобальной *свободы поиска, получения и распространения информации*¹.

Агверанская инициатива исходит из того, что в условиях, когда человечество в технологических аспектах реализации свободы слова достаточно преуспело, наступает пора надлежащим образом обустроить практику ее воплощения в жизнь. И нормативно, и институционально. С тем, чтобы *международно-правовой принцип свободы поиска,*

прочитанных на факультете журналистики МГУ / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2002. С. 154.

¹ Подробнее см.: *Монахов В. Н.* Агверанская инициатива Право народа знать в цифровую эпоху. Как его обеспечить? Энциклопедия жизни современной российской журналистики: В 2-х т. / Издание Союза журналистов России, 2013. Формула доверия: новая стратегия общественного диалога. Т. 2. С. 8–45.

получения и распространения информации в смысле своеобразного подарка середины века XX века XXI не оказался *ящиком Пандоры*. И из «вещи в себе» (каким он *de facto* оставался долгие десятилетия «холодной войны») постепенно, но неуклонно наращивал качества «вещи для нас»¹.

На более конкретном уровне, суть тогдашнего предложения автора данной статьи, получившего впоследствии свое имя собственное по названию того армянского курорта «Агверан», где оно впервые было включено в международный научный оборот, заключалась в достаточно простой, правда лишь с точки зрения ее формулирования, идеи следующего содержания.

Необходимо предпринять ряд усилий и действий как в международно-правовом пространстве, так и на уровне национальных государств и гражданских обществ с тем, чтобы продекларированный в 1948 г. как некий извлеченный из опыта развязывания и ведения второй мировой войны информационный «урок», международно-правовой (а ныне еще и информационно-правовой) **принцип** осуществления свободы поиска, получения и распространения информации *любыми средствами и независимо от государственных границ* приобрел качества современного социально и личностно действенного международного *информационно-правового института*, оснащенного соответству-

¹ Подчеркнем, что в данном контексте категория «нас» включает в себя уже практически все *человечество*. Что, в свою очередь, определяет актуальность и необходимость серьезной теоретической разработки проблемы *прав человечества в целом*.

ющей законодательной, подзаконной и правоприменительной инфраструктурой с международно-правовым статусом.

Другими словами, в ее более общем представлении *суть Агверанской инициативы* заключалась в призыве начать размышлять и действовать по формированию *нового – цифрового по форме – мирового информационного порядка*, принципы, иные регулятивные средства, а так же соответствующие институциональные формы которого в надлежащей степени отвечали бы вызовам неудержимо расширяющихся и углубляющихся реалий глобального информационного общества и глобального информационного пространства.¹

Особые обязанности и особая ответственность пользователей свободы слова

Вполне естественно, что действие **права народов знать**, (не забудем, что анализируемая нами *свобода слова* является базовой составляющей этого права), не могло быть безграничным и абсолютным. Уже в Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.)² мировое сообщество закрепило значимую правовую позицию на сей счет. Содержащуюся в

¹ О вызовах такого рода реалий и интересных предложениях по поводу того, как ответить на них см.: *Стрельцов А. А.* Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве // <https://digital.report>; *Засурский И., Харитонов В.* Информационная сверхпроводимость: авторское право как инструмент развития. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.

² <http://www.un.org>

части 2 статьи 19 указанного Международного пакта, и определяющую, что *пользование* подобного рода *правом* налагает **особые обязанности и особую ответственность**. В соответствии с этим, пользование подобного рода *правом* может быть сопряжено с определенными рода *ограничениями*, которые, в свою очередь, должны отвечать следующим обязательным условиям:

а) должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также для:

б) охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения

ЕКПЧ также закрепила (ст.10 (ч. 2) принципиально важную правовую позицию о том, что осуществление информационных свобод, *во-первых*, налагает особые обязанности и ответственность, а, *во вторых*, «может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Обратим внимание наших читателей на тот принципиальный факт, что наличие в ЕКПЧ *принципиальной возможности ограничения свободы*

выражения мнения не может толковаться расширительно. «Формальности, условия, ограничения или санкции», как это сказано в ее тексте, могут устанавливаться **исключительно** в целях, указанных в самой Европейской конвенции 1950 г. (в первую очередь для обеспечения публичных, общественных интересов, в том числе права народа знать).

При этом, согласно наработанным ЕСПЧ судебно-правовым позициям, в ходе оценки той или иной информации в качестве представляющей публичный, общественный интерес, необходимо исходить из результатов анализа обстоятельств *каждого* рассматриваемого им дела.

В частности, применительно к *проблеме защиты частной жизни*, ЕСПЧ, опираясь на рассмотренные им французские и германские кейсы, выделил ряд факторов помогающих определить, представляет ли конкретная публикация, раскрывающая элементы частной жизни, общественный интерес? Для данного контекста релевантными были признаны два фактора: важность вопроса для общественности и характер раскрываемой информации¹.

¹ См.: Кудерк (Couderc) и «Ашетт Филипакки Ассосье» (Hachette Filipacchi Associés) против Франции [Большая Палата], 2015. Кудерк (Couderc) и компания «Ашетт Филипакки ассосье» (Hachette Filipacchi Associés) против Франции [Большая Палата], жалоба по. 40454/07, решение от 10 ноября 2015 ; *«Необходимо провести фундаментальное различие между сообщениями о фактах способных внести свой вклад в дискуссию в демократическом обществе, т. е. касающихся, например, политиков при исполнении своих официальных обязанностей, и*

Таким образом, в каждом конкретном случае должна соблюдаться пропорция: свобода выражения мнения (в том числе и на ее *первой стадии* – получении информации из внешних источников) может быть ограничена исключительно в степени, необходимой для охраны и защиты публичных, общественных интересов.

Анализ реального воплощения в жизни нормативно – правовых установлений ЕСПЧ лучше всего осуществлять на примере конкретных его решений. В настоящее время ЕСПЧ находится только на старте штатного рассмотрения кейсов, связанных с реализацией свободы выражения вообще и, в частности, свободы слова в онлайн-среде¹. Поэтому, предметом нашего анализа, будут в основном его «классические прецеденты» (так назы-

предоставлением сведений о частной жизни человека, который не осуществляет такие функции». Фон Ганновер (Von Hannover) против Германии (№ 2) [Большая Палата], 2012.

¹ Специалисты отмечают, что по состоянию на осень 2017 известны **только** два постановления ЕСПЧ на эту тему, и оба по жалобам против Турции. *Первое* – «Ахмет Йылдырым против Турции» было вынесено в 2012 году, – речь там шла о *сопутствующей* блокировке сайтов, не нарушающих закон. *Второе дело* – «Дженгиз и другие против Турции» 2016 г. Речь в нем шла об ограничении доступа к YouTube из-за нескольких нелегальных материалов. ЕСПЧ определил, что недопустимо блокировать популярный сервис, где есть в том числе уникальные материалы, которые больше нигде нельзя найти, из-за того, что там появился какой-то отдельный пусть даже незаконный контент. Суд признал незаконной практику таких *тотальных* блокировок См. об этом: *Гайнутдинов Д. Перекос в пользу цензуры* // <https://www.svoboda.org>

ваемые *leading cases*), вытекающие из принципиальных правовых позиций аспектам оффлайновой практики реализации свободы слова. Но, которые, по нашему мнению, будут значимы и в будущем. А именно при рассмотрении жалоб, вытекающих из онлайн-практик и отражающие феномен так называемых «новых прав», призванных обогащать прецедентное право ЕСПЧ и побуждать Большую Палату ЕСПЧ открывать все новые грани толкования Конвенции¹.

В качестве первого примера из разряда оффлайновых *leading cases* можно сослаться на ставшее в своем сегменте европейской судебной практики неким «каноном» дело *Hand Yside v. The United Kingdom* от 7 декабря 1976 г.² Именно оно впервые определило правовую позицию ЕСПЧ по поводу того, что считать «ограничением свободы самовыражения, *необходимым в демократическом обществе*» применительно к *распространению* такой информации, которую можно определить в качестве «горячей» или «особо чувствительной».

Суть этой позиции в том, что нормы ст. 10 ЕКПЧ, в трактовке Европейского суда, призваны защищать распространение не только положительных или нейтральных идей и информации, но и информации шокирующей, в чем-то оскорбительной или вызывающей беспокойство со стороны государства или какой-либо части общества.

¹ См. об этом: Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1; Европейская конвенция: новые «старые» права. М.: Статут, 2015.

² См.: Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Совет Европы, 1994. С. 64.

26 февраля 2002г. Европейский Суд вынес ещё одно решение в этом смысловом ряду, на сей раз по жалобе против Австрии (*Dichand v. Austria*)¹. Его фабула касалась выдачи австрийскими судами распоряжения опровергнуть и не повторять некоторые критические утверждения, опубликованные в издании *Neue Kronen Zeitung*. В этих утверждениях содержалась жесткая критика политических взглядов известного в Австрии юриста и политика (г-н Г.), активно выступавшего в ряде судебных процессов на стороне одной из конкурирующих национальных медиагрупп.

Европейский Суд не согласился с позицией австрийских судов по данному делу. Согласно его правовой позиции, оспариваемые в рамках данного дела утверждения представляют собой оценочные суждения, имеющие достоверную фактическую основу и представляющие собой *комментарий* по вопросу, представляющему общественный интерес.

В этой связи ЕСПЧ признал опубликованную в издании *Neue Kronen Zeitung*. критику г-на Г. *допустимой*, поскольку она относилась к нему как к политику, находящемуся в положении, когда его деловая и политическая деятельность частично совпали.

Признав, что критика в данном случае действительно осуществлена посредством сильных и полемически заостренных выражений, далее, Евро-

¹ Решение Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2002 года, бывшая третья секция по делу *Dichand v. Austria*, заявка #29271/95 // <http://www.echr.coe.int>

пейский Суд сослался на уже выработанную им по делу *Hand Yside v. The United Kingdom* от 7 декабря 1976г. правовую позицию, согласно которой ст. 10 Европейской Конвенции при определенных условиях (прежде всего, наличие на того общественно-го интереса) защищает информацию и идеи, которые раздражают, шокируют или беспокоят.

В итоге Европейский Суд единогласно пришел к заключению, что в данном случае вмешательство австрийских властей нарушило ст. 10 ЕКПЧ, поскольку оно *не было необходимым в демократическом обществе*. Такого рода вмешательство публичных властей в реализацию свободы выражения – с точки зрения правовых позиций ЕСПЧ – должно приниматься во внимание и оправдываться только в случаях наличия не простой, обычной необходимости, а именно *острой необходимости*.

В 1979г. словосочетание «необходимы в демократическом обществе» получило дополнительное уточнение применительно к формальностям и ограничениям, действующим именно в отношении *свободы печатного слова*.

Тогда в решении по делу ««Санди таймс» против Соединенного Королевства» (26 апреля 1979 г.)¹ Европейский суд отметил, что, *«что, хотя слово «необходимо» в смысле п.2 ст. 10 не является синонимом слова «незаменимо», оно в то же время не обладает гибкостью выражения «допустимо», «обычно», целесообразно», «разумно» или «желательно» и что оно подразумевает именно существование «неотложной социальной потребности»* (подчеркнуто мною – В. М.)

¹ <http://mmdc.ru>

Кроме этого, необходим учет оценки эффективности применяемых властями мер для достижения указанных в части 2 статьи 10 Европейской Конвенции – целей. А именно – обеспечения охраны национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, предотвращения беспорядков и преступлений, защите здоровья и нравственности, защите репутации или прав других лиц, предотвращению разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечению авторитета и беспристрастности правосудия.

Кроме того, Европейский суд в решении по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства» отметил, что «из выражения *«предусмотрено законом»* вытекают следующие два требования. *Во-первых*, право должно быть в адекватной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. *Во-вторых*, норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение».

Еще в одном прецедентном деле – «Лингенс против Австрии»¹ по поводу оценки действий австрийского журналиста, позволившего себе резкие оценки поведения канцлера Австрии в венском журнале «Профиль и осужденного национальным

¹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1 / Предс. ред. кол. д-р юрид. наук, проф. В. А. Туманов. М.: НОРМА, 2000. С. 524–532.

судом за диффамацию, ЕСПЧ решительно встал на сторону журналиста. Несмотря на то, что правительство Австрии утверждало, что наказание было необходимо для защиты репутации канцлера, ЕСПЧ в своем решении заявил, что «пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию».

Нет сомнения, что часть 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию каждого, то есть ее нормы распространяются и на политиков, даже когда они выступают не в личном качестве; но в таких случаях противовесом подобной защиты выступает *интерес общества к открытой, публичной дискуссии*.

В целом, ЕСПЧ в целом ряде своих решений последовательно, твердо и настойчиво подчеркивает «особую роль» (ОР) прессы в правовом государстве, которую зачастую высокопарно, но в целом справедливо именуют *-доктриной миссии прессы*.

Для того, чтобы эта высокая миссия была бы для прессы выполнимой она должна быть наделена определенным функционалом, включающим в себя расширенные привилегии и особые гарантии)¹,

¹ См., например: Рекомендация Комитета министров N R (2000) 7 государствам-членам Совета Европы относительно права журналистов не раскрывать свои источники информации (принята Комитетом министров 8 марта 2000 г. на 701-ом заседании представителей министров) // <http://base.garant.ru>

жизненно необходимые для выполнения *двойной роли СМИ: «поставщика информации и общественного стража»*.

В этой связи Суд не поддержал мнения судей второй инстанции города Вены, о том, что *задачей прессы* является всего лишь распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю.

Избранная ЕСПЧ в деле – «Лингенс против Австрии», формула миссии прессы звучит следующим образом: «Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* для «защиты репутации других лиц», тем не менее, на нее возложена *миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес*. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их».

Эта же мысль получила дополнительную аргументацию в решении по делу «Кастеллс против Испании» (1992)¹ В нем ЕСПЧ подчеркнул: «*Нельзя забывать наиважнейшую роль прессы в государстве, руководствуясь принципом господства права. (...) Свобода прессы дает общественности непревзойденный инструмент, позволяющий ей знакомиться и получать представление об идеях и позициях своих политических лидеров. Кроме того, она позволяет политикам размыш-*

¹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1 / Предс. ред. кол. д-р юрид. наук, проф. В. А. Туманов. М.: НОРМА, 2000. С. 743–755.

лять и высказывать свою точку зрения по вопросам, заботящим общественное мнение; таким образом, все получают возможность принять участие в свободной политической дискуссии, которая находится в самом центре концепции демократического общества».

Онлайн пространство продуцирует невиданные ранее технические возможности для поиска и распространения информации и знаний. И, одновременно, ставит новые вопросы и рождает новые проблемы по содержанию и формам особых обязанностей и особой ответственности пользователей свободы слова в цифровой среде.

Как мы уже отметили ЕСПЧ только начинает заниматься рассмотрением дел, связанных с такого рода средой и, в частности, с тем, что касается ограничений доступа к информации в этой среде. В частности, в настоящий момент судьи ЕСПЧ готовят серьезное прецедентное решение по проверке законности блокировки медийных электронных ресурсов в Рунете¹.

Первичным заявителем в данном деле выступила известная правозащитная организация – «Международная правозащитная группа Агора»², пред-

¹ См.: *Корня А.* ЕСПЧ всерьез заинтересовался делом о массовой блокировке сайтов в России // *Ведомости.* 2017. 10 сентября.

² Основные направления работы – защита россиян, включая гражданских активистов, журналистов, блогеров, а также НКО от незаконных действий публичных властей. По состоянию на декабрь 2017 года, адвокаты и юристы Международной Агоры ведут порядка 300 дел в российских судах и 431 жалобу заявителя в Европейском суде по правам человека. По делам с участием Агоры

ставляющая в ЕСПЧ интересы директора российской Ассоциации интернет-издателей В. Харитонова. Он пытался обжаловать в российских судах ФЗ №139 от 28 июля 2012 года¹, получившего известность в Рунете под именем «О черном списке интернет-сайтов», нормы которого допускали так называемую *сопутствующую* блокировку сайтов.

Суть такой блокировки в том, что под нее подпадают не только интернет-страницы с запрещенной информацией, но и оказавшиеся с ними на одном IP-адресе. Из-за этого сайт Харитонова в 2012 г. был заблокирован на три месяца заодно с сайтом, на котором обнаружили пропаганду наркотиков. Харитонов дошел до Конституционного суда РФ, который в сентябре 2014 г. отказался рассматривать жалобу – по его мнению, предъявить претензию следует хостинг-провайдеру, который не отреагировал вовремя на сообщение властей о запрещенной информации на сайте-виновнике.

Далее В. Харитонов в качестве жертвы *сопутствующей* блокировки обратился с жалобой в ЕСПЧ, считая что такая блокировка нарушила его конституционное право (ст. 29 Конституции РФ) на свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации на территории Российской Федерации.

ЕСПЧ уже огласил более 30 решений. По ним Россия выплатила заявителям более 16 млн рублей компенсации. За 2017 год ЕСПЧ вынес 12 решений по делам с участием Агоры и взыскал 226,000 евро. На 1 января 2018 года 103 дела Международной Агоры коммуницированы ЕСПЧ // <https://agora.legal>

¹ <https://www.consultant.ru>

Наряду с делом Харитоновна ЕСПЧ готовит к рассмотрению еще пять сходных по своему предмету (внесудебная блокировка сайтов российскими властями) жалобы со стороны владельцев ответственных сайтов: «Каспаров.ру», «Грани.ру», «ЕЖ.ру», РосКомСвободы и Worldview of Russian Civilization.

Кроме того, принципиально важно отметить, что к участию в рассмотрении этих жалоб ЕСПЧ допущены в качестве третьих лиц пять известных в мире правозащитных организаций, специализирующихся на защите прав граждан именно в онлайн пространстве. Среди них – РосКомСвобода, Access Now, Article 19, Фонд электронных рубежей (EFF) и Европейский институт информационного общества.

В данном случае эти организации использовали возможности, предоставляемые правовым институтом официального участия в рассмотрении судебного спора третьей стороны в качестве так называемого *amicus curiae*. Данный институт известен человечеству еще со времен римского преторского права и в переводе с латыни означает – «*другей суда*», которые представляют суду информацию в форме *amicus brief* по вопросам права, вызывающим у суда интерес¹.

С учетом всех этих обстоятельств дело Харитоновна имеет реальные шансы подпасть под процедуру так называемого *пилотного судебного разби-*

¹ См. об этом: Монахов В. Страсбург как новая точка опоры в деле защиты российской свободы массовой информации, журнал // Законодательство и практика масс-медиа. 2006. № 2.

рательства, закрепленную в действующей с 2011 г. редакции Регламента Европейского суда (статья 61 «Процедура пилотного постановления»). С точки зрения отечественного доктринального толкования¹ «пилотное постановление – это окончательное решение по делу, в котором Европейский суд признает нарушение Конвенции, а также устанавливает, что подобное нарушение носит массовый характер вследствие структурной (или системной) дисфункции правовой системы государства-ответчика, и предписывает этому государству предпринять определенный вид мер общего характера».

Таким образом российские дела «по интернету» имеют реальный шанс в недалекой перспективе сформировать соответствующие стандарты их разрешения не только в европейском, но и в мировом онлайн-пространстве. Ведь, как мы знаем, это пространство практически трансгранично.

Викилизация мирового информационного пространства как значимая часть онлайн-ового воплощения свободы слова

С появлением онлайн среды категория «свобода слова» в очередной раз меняет форматы своего воплощения, реализации – оставляя неизменной свою демократическую сущность и постепенно обретая качества *первой онлайн-ой информационной свободы*.

¹ См.: Терехов К. И. Пилотные постановления, выносимые Европейским судом по правам человека: введение в системный анализ явления // <https://docplayer.ru>

Значительный и непрерывно растущий потенциал развития интернета, иных современных информационно-коммуникационных технологий уже внес и продолжает вносить серьезные коррективы не только в методы получения, накопления и хранения разнообразной официальной информации, находящейся в распоряжении публичных властей, но и в способы использования гражданами, иными субъектами права полученных таким образом информационных ресурсов.

И, прежде всего, с точки зрения расширения и углубления возможностей граждан, каждого пользователя Всемирной Сети на повсеместное распространение разнообразной информации, сведений и материалов, тем или иным образом касающихся хода государственных, общественных и – теперь уже все более реальнее – общепланетарных дел¹.

В настоящее время это активно развивающийся сегмент мирового и отечественного правоустановления и правоприменения, пока еще только определяющий вектор своего развития

Прежде всего поиск этого вектора, идет в сфере правоустановления, где постепенно формируется корпус законодательных норм, который у нас зача-

¹ Кстати, в зарубежных исследованиях уже активно обсуждается проблема создания универсального понятия *гражданина* для разных уровней новой мировой структуры (гражданин сообщества, гражданин отечества, европейский гражданин, гражданин планеты, или глобальный гражданин). См. об этом: *Варга Ч.* Гражданское общество в эпоху информационного общества // Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право. Реферативный бюллетень. М.: Издательство РАГС, 2003. № 1(47). С. 186.

стью именуют нормами цифрового права, а за рубежом в ходе их обозначения оперируют терминами и словосочетаниями с приставкой «кибер-» (cybernorm, cyberlaw, law of cyberspace).

В этом контексте все более явственным становится *новый категорический императив глобального информационного общества* о необходимости скорейшего формирования адекватного ответа на вызовы внедрения новых планетарных «технологий открытости и прозрачности». Дело в том, что результаты такого рода внедрения, с одной стороны, позволяют гражданским обществам более эффективно контролировать свои публичные власти, наращивать качества важнейшего средства информационного взаимодействия граждан и органов публичной власти. Выступать в роли новых демократических каналов общения властей с гражданами.

В то же время результаты внедрения новых технологий реализации онлайн-свободы слова в ряде случаев продуцируют вполне реальные опасности нелегитимного, незаконного и/или предосудительного их использования.

Одним из наиболее ярких примеров проявления вышеуказанных противоречивых социально-технологических, социально-информационных и коммуникационно-технологических процессов является появление на мировой информационной арене феномена, который автор данной статьи предлагает именовать *«викилизацией мирового информационного пространства»*.

Этот социальный феномен был вызван к жизни фактом ставших широко известными в начале вто-

рого десятилетия XXI века публикаций на интернет-портале WikiLeaks, посвященных итогам исследований секретных материалов о коррупции и иных формах злоупотреблений в различных странах мира. Целью деятельности интернет-портала WikiLeaks была объявлена неотслеживаемая публикация и анализ документов, ставших доступными вследствие утечки информации.

Последствия такого рода общественной информационной деятельности не заставили себя долго ждать. Основатель WikiLeaks Ассанж был объявлен в международный розыск, якобы по обвинению в изнасиловании. Хотя данное уголовное дело, спустя некоторое время, было закрыто, но Ассанж не торопился покинуть диппредставительство Эквадора в Лондоне, где он проживает с 2012 г., опасаясь, что его все равно выдадут Швеции, а затем США, где ему грозит смертная казнь из-за публикации секретной информации, в том числе о деятельности военных США в Ираке.

Между тем, порожденный этими событиями социальный и личностный феномен *викилизации* как мирового, так и многих национальных и местных информационных пространств, ширится по географии своего распространения и углубляется в содержательном плане¹.

¹ См. об этом: *Монахов В. Н.* Как защитить защитника? // Сборник научных работ ИГП РАН «Информационное общество и социальное государство». М.: «У Никитских ворот», 2011. С. 129–144; *Монахов В. Н.* «Викилизация» как новый инструмент права знать // Сборник научных работ ИГП РАН «Информационное общество: проблемы развития законодательства». М.: ИГП РАН, изд-во «Юр-компани», 2012. С. 206–218.

С точки зрения технологической базы своей реализации это социально-информационное явление представляет собой пример *новейшего формата электронной социальной сети, специально предназначенный для максимально возможной в данный условиях места и времени минимизации опасности для инсайдеров из национальных и транснациональных правительственных, военных или корпоративных структур, которые решаются придать огласке (потенциально – планетарной!!!) те или иные сведения, представляющие общественный интерес, прежде всего, финансового, антикоррупционного характера, с целью социально оправданного влияния на принятие соответствующих решений публичных властей и иных социальных акторов как на национальном, так и на наднациональном уровне.*

В наши дни такого рода сведения все чаще становятся специфическим объектом интереса личности, общества и их структур, а потому – особым предметом деятельности и социальных отношений, а, следовательно, должны становиться особым предметом правовых и соответствующих профессионально-этических отношений.

По своей структуре «*викилизация мирового информационного пространства*» на сегодняшний день охватывается двумя взаимосвязанными содержательными компонентами. *Первый компонент* – разнообразный мировой круг волонтерских действий по защите интернет-портала WikiLeaks и его сотрудников от различных нападков на них, вызванных приданием общественной огласке секретных документов о фактах преступной деятельно-

сти тех или иных властей придержащих или аффилированных с ними лиц.

Второй компонент – зримо расширяющееся число близких аналогов интернет-портала WikiLeaks – электронных источников распространения чувствительной для разного рода сильных мира сего информации, в то же время, представляющей несомненный общественный интерес.

В целом нам представляется, что *викилизация мирового информационного пространства* ощутимо меняет уровень прозрачности реализации функций публичной власти в сегодняшнем мире, позволяет ставить вопрос о возникновении **эпохи новой гласности**. Цифровой и горизонтально устроенной.

Несомненно, что подобного рода новейшие социально-правовые, информационно-правовые явления в информационной сфере жизни личности, общества и государства, не могут оставаться вне критичного научного осмысления, обсуждения и соответствующего реагирования. И, прежде всего, с точки зрения выработки предложений по формированию адекватных вызовам новой информационно-коммуникационной реальности институциональных форм разрешения возникающих в глобальном информационном пространстве конфликтов и споров.

Всеобъемлющие социальные изменения в эпоху перехода от индустриального общества к информационному характеризуются, в частности, интенсификацией и глобализацией информационных связей, ростом социальной значимости информации во всех сферах жизни и расширением круга

такого специфического вида общественных отношений как информационные.

Это неизбежно усложняет усилия государств, международных органов, структур гражданского общества, направленных на выявление баланса между универсальным правом на свободу выражения, том числе и на свободу слова в ее новом цифровом формате и запрещением к распространению определенных типов электронного контента, квалифицируемых государственными властями или транснациональными корпорациями как незаконные.

С учетом широкой доступности интернета, социальных сетей и т. п. и увеличивающегося числа их пользователей, измеряемых уже миллиардами, разработка различных форматов регулирования, саморегулирования и Сорегулирования общественных отношений по доступу и распространению электронной информации и знаний стало важным направлением деятельности публичных властей и органов гражданского общества по всему миру¹.

Само и Сорегулирование медийной среды как фактор эффективной реализации свободы слова в онлайн

С появлением интернета человечество получило ранее невиданную степень свободы в обмене информацией и знаниями. Свободы от территориаль-

¹ См. об этом: Настольная книга по медийному саморегулированию / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Федотова, М.: Творческий центр ЮНЕСКО. 2009–2017. Выпуски 1–7.

ных границ и вообще от расстояний; от временных ограничений в доступе к информации и знаниям; от многих форм контроля. Одновременно со всей определенностью и правомерностью встает вопрос: как и насколько эффективно человечество распоряжается этой свободой?

Несомненно, подобного рода вопросы, напрямую касающиеся информационной сфере жизни личности, общества и государства не могут оставаться вне критичного научного осмысления, обсуждения и соответствующего реагирования. И, в том числе, с точки зрения выработки конкретных предложений по формированию адекватных вызовам новой информационно-коммуникационной реальности институциональных и организационных форм разрешения возникающих в мировом информационном пространстве споров и конфликтов.

В частности, одним из результатов осмысления этих противоречивых социально-технологических процессов становится осознание в качестве настоятельной общественной необходимости скорейшей разработки и внедрения этико-правовых и институциональных механизмов и технологий разрешения информационных споров и конфликтных ситуаций, носящих не национальный, а глобальный характер.

Дело в том, что имеющиеся сегодня национальные правовые и этические юрисдикции уже не способны эффективно разрешать такого рода споры в силу фактической экстерриториальности среды их возникновения и того обстоятельства, что для современных информационных потоков кате-

гории государственных границ практически утрачивают свое прежнее значение.

Мировой опыт подтверждает, что в демократическом правовом государстве развитое медийное само- и СО-регулирование является принципиально важным дополнением законодательного регулирования в сфере массовой информации. Оно в значительной степени минимизирует негативное влияние рыночных отношений на содержание СМИ, способствует сохранению отношения к журналистике как разновидности публичной службы, базирующейся на высоких стандартах профессиональной этики.

Общенациональные структуры медийного саморегулирования, зародившиеся еще в XIX веке и обобщенно именуемые Советами по делам прессы, действуют в настоящее время более чем в 70 странах мира, на всех континентах планеты.

Включение России в общемировой процесс формирования медийного саморегулирования и СО-регулирования уже сегодня дает реальный эффект, как в плане укоренения культуры свободной журналистики в нашей стране, так и в контексте улучшения образа Российской Федерации за рубежом.

Выгоды медийного само- и СО-регулирования, достаточно очевидны. Каждый, кто обращается с жалобой на СМИ или конкретного журналиста, получает возможность, защитить свое доброе имя абсолютно бесплатно, открыто и публично, без каких-либо бюрократических сложностей, с помощью быстрой, простой и уважительной процедуры, перед лицом независимых профессионалов,

обладающих безупречной репутацией, гарантированной непредвзятостью и точностью морального вердикта.

Для журналистов, издательских домов, телекомпаний, информационных агентств и т. д. преимущество такого регулирования состоит еще и в том, что заявитель принимает на себя письменное обязательство вне зависимости от принятого решения не продолжать данный спор в судебном или административном порядке.

Конечно, такое обязательство носит сугубо нравственный, этический характер. Его соблюдение является делом чести и совести человека, обратившегося к механизмам само- и СО- регулирования. Оно обеспечивается не только добропорядочностью людей, добровольно принявших на себя такое обязательство, но и формирующимся общественным консенсусом в вопросе о недопустимости нарушения морально-этических обязательств.

Как нам представляется, базовым направлением выявления и пестования зачатков формирующихся мировых трендов онлайн-развития информационной сферы жизни личности, общества и государства, на наш взгляд, должно стать осмысление представлений о сущности и направлениях развития именно *права народа знать* как важного института формирующегося на наших глазах права планетарного уровня – *ius gentium* глобального информационного общества.

Главный аргумент в пользу такого выбора в том, что на современном этапе личностного, общественного, государственного и технологического развития именно политико-правовой институт

права народа знать выступает в качестве самого эффективного средства противодействия тенденции всякой власти развращать, и, прежде всего, коррупционно, ее носителей.

Международная палата по информационным спорам

Поиску более совершенных и отвечающих вызовам времени институциональных форм разрешения возникающих в мировом информационном пространстве информационных споров и конфликтов был посвящен состоявшийся в мае 2006 г. в сердце объединенной Европы – Брюсселе – мировой Форум «Роль глобальных средств массовой информации во взаимоотношениях между народами». Его 250 участников (а это были главные действующие лица, отвечающие в своих странах за безопасность в целом и информационную безопасность в частности) обсуждали проблемы противодействия распространению по каналам глобальных СМИ (интернет и спутниковое ТВ) информации и материалов, призывающих к насилию и провоцирующих ненависть между представителями различных национальностей, религий, культур и цивилизаций.

Член Комитета безопасности Государственной Думы Федерального Собрания РФ и фракции «Единой России» А. Н. Волков, – в ходе обсуждения будущих стратегий такого противодействия внес от имени российской делегации предложение обсудить вопрос о формировании в качестве некоего органа международной информационной справедливости, формирующегося на паритетной осно-

ве представителями государств и гражданских обществ стран – будущих участниц этого проекта, принципиально нового для мирового информационного пространства органа с наднациональной этико-правовой юрисдикцией по рассмотрению и разрешению информационных споров – *Международной палаты по информационным спорам*.

Думаю, будет не лишним привести здесь финальную фразу его выступления: «Закон и саморегулирование дополняют друг друга подобно рамке и струнам теннисной ракетки, чтобы обеспечить результат, который они не могут полностью достичь по отдельности. Но сама по себе ракетка не играет. Кто-то должен взять ее в руки и выйти на корт мировой информационной игры. Как нам представляется, таким игроком мог бы стать предлагаемый нами орган – *Международная палата по информационным спорам*».

С вполне понятным чувством гордости можно отметить, что в основу данной российской инициативы был положен опыт деятельности таких знаковых фигур правового авангардизма отечественного информационного пространства недавнего времени (1993–2000 гг), как Третейский информационный суд и Судебная палата по информационным спорам при Президенте России

Летом 2010 г. аналогичное по своей сути предложение, но только применительно к евроазиатскому онлайн пространству, было высказано в ходе секционного заседания на тему «Чистый Интернет»: новые возможности в развитии интеграционных процессов электронного взаимодействия и со-

циальная ответственность в Интернете», состоявшегося в рамках 6-го Евразийского форума «Международные проблемы информационного взаимодействия и информационной безопасности» («Инфофорум-Евразия», Москва, 10 июня 2010 г.).

Итоговая резолюция Форума, утвержденная его секретариатом 6 сентября 2010 г., содержит важное для нашей темы положение о том, что стартовым вариантом дальнейшего сотрудничества в решении затронутых в данной Резолюции вопросов и проблем формирования евроазиатского сегмента сети интернета как среды цивилизованного информационного взаимодействия мог бы явиться формат специальной рабочей группы стран – постоянных участников Евразийского форума, включающей представителей правительственных, коммерческих и общественных структур стран – его постоянных участников. Основной задачей этой рабочей группы должна стать организация открытых дебатов по вопросам создания, содержания и формам деятельности *Международной палаты по информационным спорам*, а также подготовка соответствующих рекомендаций уполномоченным органам стран – постоянных участников Евразийского форума.

22 ноября 2014 г. на очередном Общероссийском гражданском форуме «ДИАЛОГ. СОЛИДАРНОСТЬ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» также обсуждалась аналогичная по своему содержанию идея, итог этого обсуждения получил закрепление в принятых Форумом 2014 г. резолютивных предложениях в разделе 3.4. Доступ к информации. Сформулировано это было следующим образом:

«Исходя из того, что значительный и непрерывно растущий потенциал интернета, других современных информационно-коммуникационных технологий, вносит серьезные коррективы не только в методы получения, накопления и хранения официальной информации, но и в способы получения и использования гражданами информационных ресурсов, а также учитывая то обстоятельство, что информационно-коммуникационная среда переживает период существенных трансформаций, считаем возможным и полезным активизировать формирование на базе имеющихся инициатив международной инфраструктуры широкого гражданского контроля за реализацией права на открытый и беспрепятственный доступ граждан к общественно-значимой информации».

Потребность в таком органе как Международная палата по информационным спорам как раз и определяется необходимостью беспристрастного, объективного, разностороннего и высокопрофессионального контроля за реализацией такого права. И, прежде всего, в части соблюдения разного рода формальностей, условий и реализации соответствующих ограничений или санкций, которые необходимы в демократическом и информационном обществе в целях охраны и защиты общественно признанных публичных или частных информационных интересов.

Выводы

Резюмирующим данную работу выводом может служить следующее: за сравнительно короткий срок интернет, иные современные информационно-коммуникационные технологии и, прежде все-

го, социальные сети существенно развили свой потенциал в качестве средств технологически расширяющих традиционные рамки свободы слова и иных форм выражения мнений и будут дальше поступательно развиваться на основе тех тенденций, которые заложены сейчас.

Выявляемые в ходе такого развития проблемные моменты регулирования онлайн-информационных отношений надлежит поступательно изживать, стремясь закреплять в законах и этических документах те социальные нормы, которые максимально отвечают ожиданиям участников сетевых информационных отношений и соответствуют передовым мировым стандартам в этом сегменте правового регулирования общественных отношений.

При этом акцент различных форматов социальной регуляции онлайн-информационных отношений не должен делаться на росте ограничений основных сетевых свобод, а на повышении ответственности и обеспечении реальной неотвратимости наказания за злоупотреблением этими свободами.

Автор полагает, что в демократическом обществе проблемы реализации свободы слова будут существовать всегда. Это непрерывный процесс, не предполагающий окончательных решений. Развитие общества и государства априорно предполагает инакомыслие по поводу конкретных направлений и форматов такого развития. И, соответственно, именно в формате *свободы слова* происходит выверка этих идей и предложений, находится желанный общественный консенсус.

Поэтому завершить хочется перефразом известной мудрой максимы – дай нам, Господи, *терпения и спокойствия*, чтобы примириться с тем, что в сегодняшних процессах развития реализации свободы слова и иных форм выражения мнений нам изменить не в силах; *волю и умение*, чтобы изменить и отрегулировать то, что этому в настоящий момент поддается и, наконец, *разум и мудрость*, чтобы отделить одно от другого.

Библиографический список:

1. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Вступ. ст. Е. А. Суханова. М.: Спарк, 1995.

2. Конституция РФ. Научно-практический комментарий / Под ред. Б. Топорнина. М., 1997.

3. *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32.

4. *Баумейстер Д., Экерт А., Цайлингер А.* Физика квантовой информации. М.: Постмаркет, 2002.

5. *Осовский С.* Нейронные сети для обработки информации = Sieci neuronowe do przetwarzania informacji (польск.) / Пер. И. Д. Рудинского. М.: Финансы и статистика, 2004.

6. *Монахов В. Н.* Свобода вещания как результат конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5.

7. *Кудрявцев В. Н.* Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006.

8. *Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и влияния этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. СПб., 1859.

9. Батурин Ю. М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. 1989. № 3.

10. Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995.

11. Вольтер. Избранные произведения. М., 1938.

12. Тарновский Е. Н. Четыре свободы. СПб., 1995.

13. Кудрявцев В. Н. Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006.

14. Коротеев К. Н. Место Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аргументации решений Конституционного Суда РФ: от переезда в Санкт-Петербург до дела Константина Маркина // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 // СПС «Консультант-Плюс».

15. Еремин В. Н. Правовое регулирование деятельности СМИ в Японии // Япония мнимая и реальная: Сборник лекций по японистике, прочитанных на факультете журналистики МГУ / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2002.

16. Монахов В. Н. Агверанская инициатива Право народа знать в цифровую эпоху. Как его обеспечить? Энциклопедия жизни современной российской журналистики: В 2-х т. / Издание Союза журналистов России, 2013. Формула доверия: новая стратегия общественного диалога.

17. Стрельцов А. А. Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве // <https://digital.report>

18. *Засурский И., Харитонов В.* Информационная сверхпроводимость: авторское право как инструмент развития. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.

19. *Гайнутдинов Д.* Перекос в пользу цензуры // <https://www.svoboda.org>

20. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1; Европейская конвенция: новые «старые» права. М.: Статут, 2015.

21. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Совет Европы, 1994.

22. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1 / Предс. ред. кол. д-р юрид. наук, проф. В. А. Туманов. М.: НОРМА, 2000.

23. *Корня А.* ЕСПЧ всерьез заинтересовался делом о массовой блокировке сайтов в России // Ведомости. 2017. 10 сентября.

24. *Монахов В.* Страсбург как новая точка опоры в деле защиты российской свободы массовой информации, журнал // Законодательство и практика масс-медиа. 2006. № 2.

25. *Терехов К. И.* Пилотные постановления, выносимые Европейским судом по правам человека: введение в системный анализ явления // <https://docplayer.ru>

26. *Варга Ч.* Гражданское общество в эпоху информационного общества // Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право. Реферативный бюллетень. М.: Издательство РАГС, 2003. № 1(47).

27. Монахов В. Н. Как защитить защитника? // Сборник научных работ ИГП РАН «Информационное общество и социальное государство». М.: «У Никитских ворот», 2011.

28. Монахов В. Н. «Викилизация» как новый инструмент права знать // Сборник научных работ ИГП РАН «Информационное общество: проблемы развития законодательства». М.: ИГП РАН, изд-во «Юркомпани», 2012.

29. Настольная книга по медийному саморегулированию / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Федотова, М.: Творческий центр ЮНЕСКО. 2009–2017. Выпуски 1–7.

И. А. КУМЫЛГАНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; факультет журналистики; кандидат филологических наук, доцент (125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9; тел.: (495) 629-37-80)

БРИТАНСКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОКОММУНИКАЦИЙ

Ключевые слова: электронные информационные коммуникации Великобритании; медийное сорегулирование; Офком; системы обеспечения ответственности СМИ; журналистская подотчетность

Аннотация: В статье изучается деятельность единого медиарегулятора информационных коммуникаций Великобритании. Обосновывая необходимость исследования системы медийной подотчетности, автор представляет зарубежный опыт на примере становления и развития конкретного института сорегулирования СМИ. Особое место отведено рассмотрению аналитической и статистической работы, нормативных актов и актуальной практики рассматриваемой организации.

Всю индустрию электронных коммуникаций Великобритании контролирует единый орган – Управление по коммуникациям Офком (Office of Communications – OFCOM). О регулирующей практике именно этой организации – координирующей телевидение, радиовещание, телекоммуни-

кации, мобильные и почтовые сервисы Соединенного Королевства – пойдет речь в данной статье¹.

Офком был учрежден в соответствии с законом 2002 года об управлении по связи с целью контроля над сферой вещания и электронных коммуникационных сетей и служб². Однако уже в следующем году набор регулятивных задач организации несколько изменился в связи с принятием закона о коммуникациях³. Поэтому официальным днем образования Офкома в его нынешней форме считается 29 декабря 2003 года. С этой даты новый медиарегулятор взял на себя функции, за которые ранее были ответственны отдельные контрольные органы: Управление телекоммуникаций (Office of Telecommunications, Oftel), Комиссия независимого телевидения (Independent Television Commission), Комиссия по стандартам вещания (Broadcasting Standards Commission), Управление по радиовещанию (Radio Authority), Агентство радиокommunikаций (Radiocommunications Agency).

Спустя семь лет после своего создания Управление по коммуникациям инициировало внутреннюю

¹ В мире существуют две организации с одинаковым названием OFCOM. Помимо британской Офком в Швейцарии действует Федеральная служба связи Офком (Federal Office for Communications), которая является частью Федерального департамента (министерства) окружающей среды, транспорта, энергетики и связи (Federal Department of the Environment, Transport, Energy and Communications – DETEC).

² *The Office of Communications Act*, 2002: <http://www.legislation.gov.uk>

³ *The Communications Act*, 2003: <https://www.legislation.gov.uk>

проверку, которая завершилась 1 февраля 2011 года реорганизацией Офкома. Возникновение новых вызовов в регулировании медиакоммуникаций XXI века подтолкнули руководство к некоторым структурным изменениям, в частности, к созданию новых групп в пределах Управления.

На сегодняшний день организация включает следующие отделы: стратегический, экономический, юридический, операционный и технологический, а также отделы по вопросам конкуренции, контента и стандартов, интересов потребителя, международного развития. Работа данных структур направлена на реализацию задач организации по четырем главным направлениям: мобильная связь, телекоммуникации и интернет; телевидение, радио и сектор видеосервисов по запросу; почтовые услуги; радиочастоты, по которым осуществляется передача сигналов новейших беспроводных устройств.

Стратегические направления работы определяет Совет Офкома (The Ofcom Board), а наблюдение за управлением организации осуществляет Исполнительный комитет (Executive Committee). Они собираются не менее одного раза в месяц, за исключением августа. Программы и отчеты заседаний и консультативных встреч регулярно публикуются на веб-сайте организации.

Обязанности Офкома довольно обширны, но все они направлены на защиту интересов граждан, включая защиту потребителей от медиапродукции, которую они считают ненадлежащей или оскорбительной. Для выполнения этой цели в зону ответственности регулятора входят поддержка высокого

качества и стандартов медийного содержания, его разнообразия и плюрализма предлагаемых мнений, защита граждан от вторжения в частную жизнь и т. п. В то же время на официальном сайте медиарегулятора четко прописана информация о том, что не входит в его компетенции, а именно – регулирование всемирного сервиса и лицензионных сборов Би-би-си, контент теле- и радиорекламы, деятельность газет и журналов¹.

Главную свою миссию Офком видит в обеспечении открытого и конкурентного рынка электронных коммуникационных сервисов, включая широкополосные каналы связи, и соответствующий надзор за ними. Таким образом, контролируя контент, предлагаемый телекоммуникационными компаниями, и отслеживая соблюдение законов работниками электронных коммуникационных сетей и служб, Управление по коммуникациям не только упорядочивает содержание медиапродукта, но и отвечает за экономическое регулирование индустрии. Заметим, что это обоюдный процесс, поскольку финансирование самого медиарегулятора поступает от представителей индустрии и дотаций правительства.

Среди многочисленных практических задач Офкома рассмотрим основные, коими являются лицензирование, рассмотрение жалоб, изучение конкуренции, разработка стратегий, создание кодексов, публикация отчетов и бюллетеней по вещанию, проведение специализированных экспертных консультаций.

¹ Раздел *What is Ofcom?* на официальном сайте организации: <https://www.ofcom.org.uk>

Лицензионная деятельность Офкома

Наряду с управлением, контролем и распределением частотного пространства в стране Офком отвечает и за его лицензирование. Организация лицензирует работу телеканалов и радиостанций, мобильных операторов, а также частных коммуникационных сетей. При этом некоторые лицензии можно получить, заплатив за них, другие выдаются только по результатам конкурса, поскольку процесс лицензирования варьируется в зависимости от назначения лицензии. Большинство процедур унаследовано от систем лицензирования, использованных предыдущими регулирующими органами, в частности Управлением телекоммуникаций и Комиссией по стандартам вещания. Тем не менее, Офком оставил за собой возможности изменения некоторых аспектов процесса в будущем.

Подчеркнем, что пределы полномочий и обязанностей Управления по коммуникациям были установлены парламентом Великобритании. При этом механизмы контроля, применяемые медиарегулятором для соблюдения правил в электронных медиа, достаточно действенные. Офком может вынести строгое предупреждение, наложить штраф и даже лишить лицензии на вещание в случае противоправных актов со стороны телекоммуникационных компаний.

Работа Офкома с жалобами медиапотребителей

Частью обязанностей Офкома в качестве регулятора медиавещания является рассмотрение жалоб зрителей или слушателей по поводу программ на

лицензированных каналах. Контроль нелицензированных каналов не входит в компетенции Управления по коммуникациям.

Жалобы составляются по специальной форме, которая размещается на сайте организации¹. Кроме того возможно обращение с письменной претензией по адресу медиарегулятора в Лондоне. Жалоба должна включать в себя полную информацию, куда входят наименование вещателя, название медиапродукта, время выхода медиапродукта в эфир, контактные данные заявителя. Причина жалобы также должна соответствовать перечисленным на сайте тематикам: нарушение прав несовершеннолетних; религия; преступность; выборы и референдумы; коммерция в телевизионных программах и др.

При принятии жалобы Офком запрашивает копию программы у вещателя, а затем проверяет программный контекст на наличие нарушений кодексов медиавещания. Кроме того, регулятор также выясняет мнение вещателя по поводу поступившей претензии. В результате жалоба либо поддерживается, либо отклоняется, либо предлагается альтернативное решение. Итоги рассмотренного дела публикуются на сайте.

Для детального изучения опыта работы Офкома с претензиями медиапотребителей автором были исследованы жалобы, поступившие в период с января по сентябрь 2017 года, по следующим секторам: фиксированная широкополосная связь (19 жалоб); наземные стационарные линии (14 жалоб);

¹ Форма подачи жалобы в Офком доступна по адресу: <https://www.ofcom.org.uk>

мобильная связь (6 жалоб); кабельное телевидение (5 жалоб)¹.

В результате анализа и систематизации рассмотренного материала были выделены следующие блоки тематических характеристик по содержанию претензий:

- несоответствие между заявленной в контракте скорости и той, что обеспечивается провайдером на практике. Существенное изменение скорости работы сети в течение дня, её постоянные скачки²;

- сбой при подключении к интернету, связанные с проблемами с кабелем в домах потребителей, на промежуточных станциях, на серверах, а также при соединении объектов. Неполный и не всегда качественный, а также несвоевременный ремонт кабельных сетей, неверная настройка конфигурации сети, завышенное время ожидания установки компонентов системы вещания³;

- непродуманная схема компенсации в ответ на жалобу потребителя⁴;

- непропорционально большое количество сцен насилия, жестокости, нецензурных выражений в телевизионном эфире⁵.

¹ Telecoms and pay-TV complaints:
<https://www.ofcom.org.uk>

² Broadband Speeds Codes of Practice:
<https://www.ofcom.org.uk>

³ Quality of Service for WLR, MPF and GEA:
<https://www.ofcom.org.uk>

⁴ Automatic Compensation: <https://www.ofcom.org.uk>

⁵ Communications Market Report:
<https://www.ofcom.org.uk>

Нормативные акты, обязательные для исполнения вещателями, регулируемые Офкомом

Этические и/или правовые документы, на которые опирается Управление по коммуникациям при исполнении своих регулятивных функций, включают в себя телерадиовещательный кодекс, специальные требования и ограничения, касающиеся рекламы в электронных коммуникациях, а также иные кодифицированные источники, относящиеся к сфере вещания¹.

Упомянутый выше закон о коммуникациях 2003 года поставил перед Управлением по коммуникациям, в числе прочих, задачу разработать телерадиовещательный кодекс, который бы заменил сразу шесть нормативных актов, действовавших в старых контрольных органах, сменившихся Офкомом. Единый медиарегулятор с задачей справился, и новый Кодекс вещания (The Ofcom Broadcasting Code) вступил в силу 25 июля 2005 года. В нем установлены нормы в отношении теле- и радио-программ и охвачены разные аспекты регуляции медиавещания, в частности: защита лиц, не достигших 18-летнего возраста; недопущение нанесения информационного вреда или оскорбления; адекватное освещение преступления и религиоз-

¹ См, напр.: Guidance on Ofcom's broadcasting codes for TV channels and radio stations, technical requirements and other broadcasting matters; Code on the scheduling of television advertising; Code on sports and other listed and designated events; Code on television access services; Code on Electronic Programme Guides; Regulation of e-cigarette advertising, sponsorship and product placement и др. Тексты нормативных документов доступны по адресу: <https://www.ofcom.org.uk>

ных вопросов; беспристрастность и точность; честность; неприкосновенность частной жизни; выборы и референдумы; коммерческие интересы. Акт постоянно обновляется в соответствии с текущими изменениями в сфере медиавещания. Его последняя редакция датируется 3 апреля 2017 года и представляет как меры контроля за всеми программами выходящими в эфир, так и отдельные правила для сервиса видео по запросу, куда, в частности, входят телепрограммы в записи и кино онлайн¹. Радио- и телепрограммы, вышедшие в эфир до указанной даты, рассматриваются Офком в рамках действия кодекса прежних версий.

В качестве показательного эпизода обновления Кодекса вещания можно привести пример с регламентами относительно скрытой рекламы на телевидении. Офком разработал их в декабре 2010 года, в силу они вступили с 28 февраля 2011 года, последние изменения внесены 20 мая 2016 года. К решению снять запрет на размещения проадк-плейсмента на телевидении британский медиарегулятор пришел в результате исследования экспертных заключений аналитиков и практиков телекоммуникационной индустрии. В частности, компании, специализирующиеся на разработке проадк-плейсмента, привели статистику, доказывающую, что в странах, где давно практикуется подобная спонсорская реклама, доходы от нее составляют пять процентов от общего объема доходов телерекламы. По подсчетам специалистов, при допуске «завуалированной» коммерческой инфор-

¹ The Ofcom Broadcasting Code: <https://www.ofcom.org.uk>

мации на телевидение рекламный рынок Великобритании получает дополнительные 150 миллионов фунтов стерлингов в год.

Согласно новым правилам, установленным Управлением по коммуникациям, бренды смогли покупать упоминания в телеэфире на законных основаниях. До этого продакт-плейсмент можно было увидеть только в кинофильмах и зарубежных сериалах. Однако ему по-прежнему остались недоступными новостные, детские и религиозные передачи, сохранился запрет на агрессивный телемаркетинг. Кроме того, не разрешается скрытая реклама алкогольной продукции, а также игрушек, оружия, медикаментов, игорных заведений, эскорт агентств, продуктов питания с избыточным содержанием жиров, соли или сахара и иной вредной для здоровья продукции (то есть сюжетная линия не должна прерываться, например, «чрезмерным вниманием» к газированным напиткам).

Телевещатели обязаны указывать, где именно используется элемент спонсорской рекламы, то есть сопровождать все подобные коммерческие сообщения специальным логотипом. Соответствующий символ в углу экрана должен извещать зрителей о присутствии в программе скрытой рекламы. Официальный логотип продакт-плейсмента выполнен в двух вариантах: один предназначен для темного, другой – для светлого фона: соответственно буква «Р» белого цвета в черном обрамлении и наоборот. Логотип возникает на телеэкранах на несколько секунд в начале и в конце каждой передачи, в которую интегрировано замаскированное рекламное предложение. Кроме того, его можно

увидеть в середине передачи после нескольких рекламных пауз. Однако телеканал не обязан показывать данный логотип, если изначально передача со скрытой рекламой шла в эфире зарубежных телеканалов.

В первый же день легализации скрытой рекламы на британском телевидении, она была показана во время популярной передачи «Этим утром» («This Morning»). 28 февраля 2011 года зрители могли явственно видеть бренд кофейного аппарата «Нескафе» на заднем плане. По данным издания «Дейли телеграф», данный эпизод обошелся компании в 100 тысяч фунтов стерлингов, или 162,8 тысячи долларов¹.

Легализовав скрытую рекламу, Управление по коммуникациям, несомненно, пошло на уступки крупнейшим национальным телекорпорациям, в частности старейшей коммерческой телевизионной компании Ай-ти-ви (ITV), возглавившей в свое время движение за отмену запрета на скрытую рекламу. Только ее доходы от подобного рода коммерческой информации составляют около 50 миллионов фунтов стерлингов, или 81,4 миллиона долларов.

Что касается общих требований к распространению телевизионной рекламы и ее количественному содержанию в программах, допустимости и времени прерывания или остановки трансляции передачи для демонстрации рекламы, то они содержатся в Кодексе планирования телевизионной рекламы (the Code on the Scheduling of Television

¹ «Nescafe coffee machine on This Morning is first product placement on TV» // The Daily Telegraph, 2011, 28 февраля.

Advertising)¹. Данный акт вступил в силу 1 сентября 2008, последняя редакция датируется 1 апреля 2016 года.

Кроме того, помимо собственного нормативного источника в вопросах регулирования рекламы Управление по связи апеллирует еще и к определенным разделам саморегулирующего документа комитета по вопросам рекламной практики британского вещания (the Broadcast Committee of Advertising Practice, BCAP), известного как Кодекс Би-си-эй-пи (The BCAP Code)². Данный акт вступил в силу 1 сентября 2010, заменив собой полномочия четырех нормативных документов, касающихся регулирования различных аспектов вещательной рекламы – Стандартов телевизионной рекламы, Стандартов радиорекламы, Правил размещения телерекламы и Кодекса для служб, работающих с рекламным контентом. За Офком закреплена регулирующая функция, отраженная в соответствующих частях Кодекса Би-си-эй-пи, в частности: запрет на политическую рекламу; спонсорство; наложение установленных законом санкций за нарушение в рекламной сфере; так называемое участие в телевизионной рекламе (последнее охватывает, в том числе, рекламные услуги в различного рода чатах, телевикторинах и пр.). Кроме того, Офком ответственен за регулирование азартных игр, объявлений о знакомствах и т. п., если они выходят в эфир в формате рекламы.

¹ The Code on the Scheduling of Television Advertising: <https://www.ofcom.org.uk>

² The BCAP Code: <https://www.asa.org.uk>

Аналитическая и статистическая деятельность медиарегулятора

Подотчетность Офкома является государственным требованием в соответствии с разделом 358 Закона о связи 2003 года о публикации ежегодного фактического и статистического отчета¹. Поэтому регулярное обнародование подробных сведений об исследовании рынка и технологических изменений электронных коммуникаций, а также о деятельности самого медиарегулятора является одной из основных его задач. Кроме того, декларируя принцип прозрачности в своей деятельности, Управление по коммуникациям помещает в свободном доступе он-лайн финансовые отчеты, информацию о проделанной за год работе, о своих планах и партнерах.

На примере деятельности Офкома в 2017 году автором статьи были выделены несколько форм аналитической и статистической деятельности медиарегулятора.

Сведения о развитии рынка и тенденциях в медиаотрасли Великобритании Офком собирает при помощи опросов, а также получает непосредственно у операторов вещания и связи или покупает у медиапоставщиков. Для принятия мер по урегулированию британского медиарынка эти данные анализируются и публикуются Управлением по коммуникациям, в частности, в формате *Отчета по рынку коммуникаций* (Communications Market

¹ <https://www.ofcom.org.uk>

Report)¹, *Постановления* (Statement)² и *Предложения* (Proposal)³.

Среди различных, публикуемых на регулярной основе, отчетов об аналитической деятельности вещательного медиарегулятора Великобритании значимое место занимают выпуски периодического *Бюллетеня по вещанию*. Он излагает результаты деятельности отдела контента и стандартов, который рассматривает жалобы относительно работы радио- и телевещания в рамках кодексов вещания, принятых или поддерживаемых Офкомом⁴.

Действенным способом принятия оптимального решения, базирующимся на разных мнениях специалистов и экспертных анализах, для медиарегулятора является также формат *Консультации* (Consultation). Процесс консультации начинается с публикации того или иного проекта на сайте организации для выяснения реакции в соответствующей области коммуникационной индустрии. Как правило, если документ слишком объемный и сложно воспринимается, то публикуется его краткое изло-

¹ Communications Market Report // Текст Отчета по рынку коммуникаций за 2017 доступен по адресу: <https://www.ofcom.org.uk>

² См, напр., Постановление об автоматической компенсации для потребителей как защите от проблем качества сервиса «Automatic Compensation – Protecting consumers from service quality problems»: <https://www.ofcom.org.uk>

³ См, напр., Предложение по уменьшению среднечастотного покрытия «Absolute Radio – proposals to reduce AM Coverage»: <https://www.ofcom.org.uk>

⁴ См, напр., Бюллетень по широкому и кабельному вещанию «Ofcom Broadcast and On Demand Bulletin»: <https://www.ofcom.org.uk>

жение. У заинтересованных лиц, компаний или организаций есть около десяти недель для того, чтобы ознакомиться с материалом и высказать свое мнение. По истечении срока Офком публикует полученные мнения на своем вебсайте, за исключением тех, что были помечены респондентами как конфиденциальные. По завершении консультационного процесса Офком резюмирует все отклики для принятия собственного решения¹.

Работа Офкома с медиакорпорацией Би-би-си (BBC)

До недавнего времени общественная корпорация Би-би-си не контролировалась Офкомом. Отметим, что в отношении контроля над коммерческими вещателями в целом сохраняется принцип «легкого прикосновения», введенный в начале 1990-х годов². Коммерческие вещатели убеждали правительство вообще отказаться от контроля над СМИ, аргументируя это тем, что в условиях рынка тех из них, кто так или иначе не удовлетворяет запросы общественности, будут вынуждены уйти из медиаиндустрии. Тогда правительство заявило о несвоевременности такого шага³. Однако в июне 2015 года парламент Великобритании выступил с требо-

¹ См, напр., Консультацию по практическим правилам в работе с широкополосными сетями «Consultation: Broadband Speeds Codes of Practice»: <https://www.ofcom.org.uk>

² Подробнее см.: *Lunt P., Livingstone S. Media Regulation*. Sage Publications Ltd. 2012.

³ Подробнее см.: *Higgins C. This New Noise: The Extraordinary Birth and Troubled Life of the BBC*. Guardian Faber Publishing. 2015.

ванием об изменении структуры контроля медиа-компания Би-би-си. До этого времени существовал департамент Би-би-си траст (BBC Trust), который пытался следить за исполнением всех обязанностей медиаконцерна. Идея парламента заключалась в передаче части контрольных полномочий внешнему медиарегулятору¹.

3 апреля 2017 года Офком стал первым внешним регулятором Би-би-си. В его обязанности вменялись контроль над исполнением редакционных стандартов, финансовыми затратами и поступлениями, а также мониторинг влияния Би-би-си на рынок.

На примере деятельности медиарегулятора в 2017 году выделим три сферы влияния Управления по коммуникациям на работу Би-би-си: стандарты контента, конкуренция, качество. В рамках первой (*стандарты контента*) 9 марта Офком представил Правила о должной объективности, точности, о выборах и референдумах. В рамках второй (*конкуренция*) 29 марта регулятор ввел требования в отношении деятельности Би-би-си, касающиеся соблюдения принципов честной конкуренции на медиарынке, а 29 июня представил разработку правил проведения процедур сбора жалоб, ведения расследований и введения санкций для соблюдения Би-би-си требований честной конкуренции. В рамках третьей (*качество*) Офком изучил количество просмотров программ Би-би-си, а также ожидания и приоритеты потребителей медиакорпорации относительно уникальности контента, что от-

¹ Подробнее см.: *Mills T. The BBC: Myth of a Public Service. Verso. 2016.*

ражено в июньских и июльских исследовательских отчетах регулятора¹.

Кроме того, с марта по июль 2017 года Офком проводил консультационную работу², в результате которой были опубликованы предложенные регулятором показатели эффективности для Би-би-си и процесс установки и изменения их в будущем, а также проект лицензионного вещания медиакорпорации (Draft operating licence for the BBC's UK Public Services). В последнем случае Офком заявил о своих правах на требование от Би-би-си следующих условий:

- исполнение своей миссии (информирование, просвещение, развлечение) и преследование общественных целей;

- защита уникальной продукции и программ, созданных медиакорпорацией;

- полное обеспечение медиапродукцией аудиторий Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии³.

Подчеркнем, что эти требования носят не рекомендательный характер, а являются обязательным руководством к действию, поскольку медиарегулятором предусмотрены принудительные нормативные условия, которые Офком считает целесообразными для обеспечения выполнения Би-би-си своих обязанностей.

¹ Указанные материалы по всем направлениям работы Офкома с Би-би-си доступны по адресу: <https://www.ofcom.org.uk>

² Результаты данной Консультации Офкома доступны по адресу: <https://www.ofcom.org.uk>

³ <https://www.ofcom.org.uk>

* * *

Отслеживая и анализируя результаты деятельности зарубежных медиарегуляторов за последнее десятилетие, автор данной статьи уже констатировал, что поддержание социальной ответственности средств массовой информации перед обществом имеет четко выраженную тенденцию к «самовыражению» в формате саморегулирования и сорегулирования¹. Офком является ярким примером последнего – несмотря на критические замечания, периодически выдвигаемые экспертами, можно констатировать, что он завоевал довольно прочный авторитет среди профессионалов, и каждый его проект горячо обсуждается во всех заинтересованных структурах британского медийного сообщества. Причем, многие предложения по различным аспектам медиарегулирования, разработанные специалистами Управления по коммуникациям, находят признание как у практиков, так и чиновников из профильных министерств. Показательно, что Офком как орган сорегулирования активно обращается к вопросам антимонопольного законодательства, считая, что действующие в стране законы не позволяют эффективно бороться с медиамонополиями. Именно для этого, настаивают эксперты Офкома, необходимо проводить регулярные аудиторские исследования и уже на их основании ини-

¹ См., напр.: *Кумылганова И. А.* Взаимодействие транснациональных объединений медиасоветов как актуальный опыт саморегулирования СМИ // Труды по интеллектуальной собственности. 2017. № 1. Том XXVIII. С. 60–75.

цировать то или иное реформу в области медиа-регулирувания¹.

Представляется, что богатый зарубежный опыт долгого систематического изучения всех плюсов и минусов деятельности конкретного регулятора по обеспечению медийной подотчетности и ответственности представляет огромную ценность для отечественной науки как в нормативной его части, так и в рассмотрении отдельных случаев из журналистской практики.

Библиографический список:

1. *Lunt P., Livingstone S.* Media Regulation. Sage Publications Ltd. 2012.

2. *Higgins C.* This New Noise: The Extraordinary Birth and Troubled Life of the BBC. Guardian Faber Publishing. 2015.

3. *Mills T.* The BBC: Myth of a Public Service. Verso. 2016.

4. *Кумылганова И. А.* Взаимодействие транснациональных объединений медиасоветов как актуальный опыт саморегулирования СМИ // Труды по интеллектуальной собственности. 2017. № 1. Том XXVIII.

5. *McNair B.* An Introduction to Political Communication (Communication and Society). Routledge. 2017.

¹ См., напр.: *McNair B.* An Introduction to Political Communication (Communication and Society). Routledge. 2017.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ И НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА

С. Б. КОКИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Департамента дисциплин частного права факультета права, кандидат юридических наук (123022, г. Москва, Б. Трёхсвятительский пер., дом 3, тел.: (495) 772-95-90)

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЖИССЕРА-ПОСТАНОВЩИКА СПЕКТАКЛЕЙ¹

Ключевые слова: объекты смежных прав; понятие произведения; условия охраны постановки; режиссер-постановщик спектакля; режиссерский сценарий; запись постановки

Аннотация: В статье исследуются вопросы правовой охраны театральных постановок, записи постановок, режиссерский сценарий и статуса режиссера-постановщика спектаклей как обладателя интеллектуальных прав на постановку. Изучаются три объекта его интеллектуальных прав, подпадающих под разные режимы охраны: авторско-правовой и смежно-правовой. Правовой режим

¹ Настоящая статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

всех трех объектов является спорным. В настоящее время постановка охраняется нормами смежных прав. Охраноспособность остальных двух объектов остается неясной. Эти три объекта влияют на правовой статус режиссера-постановщика спектакля, который включен в понятие «исполнитель». Однако творческая деятельность режиссера-постановщика спектаклей обладает значительной спецификой по сравнению с деятельностью артиста-исполнителя. Обосновывается необходимость авторско-правовой охраны прав режиссеров-постановщиков спектаклей на все три упомянутых объекта.

В четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации внесены изменения, которые должны улучшить положение режиссеров-постановщиков спектаклей¹. В результате внесенных изменений статус режиссеров-постановщиков спектаклей не поменялся: режиссеры-постановщики спектаклей, как и прежде, остаются артистами-исполнителями, а постановки спектаклей – исполнениями, потому что «вопрос о предоставлении режиссерам-постановщикам театральных спектаклей авторских прав на их постановки недостаточно проработан, вызывает теоретические споры и не получил практического воплощения в законодательстве других стран, а также может

¹ Федеральный закон от 28.03.2017 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

привести к противоречию с международными обязательствами Российской Федерации»¹.

Ни Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г.²(далее – Римская конвенция), ни Договор ВОИС по исполнению фонограмм от 20 декабря 1996 г.³ (далее – ДВИФ), ни Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г.⁴, не упоминают ни режиссера-постановщика спектакля, ни постановки.

В Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в главу 71 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Пояснительная записка)⁵ отстаивалась авторско-правовая охрана исключительных прав режиссеров-постановщиков спектаклей. Ее авторы привели убедительные аргументы,

¹ Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 6 июня 2016 г. № 154-2/2016.

² Международная конвенция по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций от 26 октября 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7.

³ Договор ВОИС по исполнению фонограмм от 20 декабря 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12. С. 12–22.

⁴ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

⁵ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в главу 71 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

в частности: 1) творческая деятельность режиссеров-постановщиков спектаклей обладает значительной спецификой по сравнению с деятельностью артистов-исполнителей; 2) она сходна с деятельностью кинорежиссера и требует особого регулирования; 3) постановкой режиссера-постановщика спектакля, концертной или цирковой программы, циркового номера или иного театрально-зрелищного представления является представленная в объективной форме композиция элементов театрально-зрелищного представления (драматургического, музыкального, сценографического, хореографического и иных подобных материалов, включая подбор актеров). При сходном творческом труде с кино- и телережиссерами, последние признаются в отличие от режиссера-постановщика авторами аудиовизуальных произведений. Деятельность создателей хореографических произведений и пантомим (балетмейстеров, хореографов) также охраняется авторским правом, независимо от записи танца, балета и т. п. При этом театральные режиссеры обделены такой охраной. **Отсутствие авторских прав у режиссера-постановщика умаляет его профессиональный статус**, влияет на качество современных российских постановок¹.

¹ Авторско-правовая природа постановок режиссеров-постановщиков спектаклей фундаментально разработана и убедительно доказана в российской юридической науке. Не считаем возможным приводить библиографию по этому вопросу, дабы не обидеть неупомянутого заслуженного ученого-эксперта по авторскому праву.

Однако далее в Пояснительное записке сделан вывод, что решение обозначенных проблем с помощью наделения режиссера-постановщика авторскими правами приведет к противоречию с международными обязательствами Российской Федерации, выраженными прежде всего в Приложении 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.). В абзаце 2 ст. 2 Протокола об охране и защите на объекты интеллектуальной собственности режиссеры-постановщики указаны в качестве исполнителей, обладающих смежными правами.

Единого мнения по поводу статуса режиссеров-постановщиков спектаклей нет и в международном сообществе. Российская Федерация предложила Постоянному Комитету ВОИС по авторскому праву и смежным правам инициировать фундаментальное исследование ВОИС с целью изучения национального законодательства государств-членов ВОИС по охране постановок и прав режиссеров-постановщиков театрально-зрелищных представлений с тем, чтобы выработать основные элементы механизма международной охраны и защиты прав режиссеров-постановщиков и определить целесообразность разработки и принятия отдельного договора ВОИС в отношении прав режиссеров-постановщиков¹.

¹ Предложение Российской Федерации об укреплении охраны прав режиссеров-постановщиков на международном уровне, заявленное на Тридцать пятой сессии Постоянного комитета ВОИС по авторскому праву и смежным правам. Женева, 13–17 ноября 2017 г. Код до-

Выдвигая свое предложение, делегация Российской Федерации основывалась на том, что исходя из определения «исполнителей», предусмотренного Римской конвенцией и ДВИФ, режиссеры-постановщики спектаклей не подпадают под их действие. Режиссеры – постановщики спектаклей *прямо* не закреплены в Римской конвенции в определении «исполнителей», кроме того, косвенно невозможно отнести режиссеров – постановщиков спектаклей к «другим лицам, которые каким-либо образом участвуют в исполнении литературных или художественных произведений». А ДВИФ по сравнению с Римской конвенцией значительным образом расширяет права исполнителей, в том числе как на записанные, так и на устные исполнения. Однако субъектный состав, остался таким же, как и в Римской конвенции и режиссеры-постановщики в понятие «исполнителей» не подпадают¹.

Какая же система охраны (авторско-правовая или смежно-правовая) по сути соответствует результатам интеллектуальной деятельности режиссера-постановщика спектакля? В процессе его творчества создается три объекта: собственно постановка, запись постановки, указания режиссера-постановщика к постановке спектакля (так называемые, режиссерский сценарий, режиссерская партитура). С нашей точки зрения, все три объекта имеют авторско-правовую природу.

кумента: SCCR/35/8 06 ноября 2017 г. // <http://www.wipo.int>

¹ SCCR/35/8 06 ноября 2017 г.

Как отмечалось выше, в Пояснительной записке подчеркнута, что творческая деятельность режиссеров-постановщиков спектаклей обладает значительной спецификой по сравнению с деятельностью артистов-исполнителей. И даже те незначительные изменения некоторых норм параграфов 1 и 2 Главы 71 ГК начали неизбежное разделение статусов режиссеров-постановщиков спектаклей и артистов-исполнителей.

Постановка обладает всеми признаками сложного произведения. Режиссер-постановщик спектаклей **«создает художественно целостное сценическое произведение»**¹, которое, затем, исполняется *без его участия*. «Многие театральные спектакли, поставленные известными режиссерами, продолжают идти на сценах театров уже после их смерти. В связи с этим нельзя не признать, что труд режиссера-постановщика в теоретическом плане гораздо ближе к авторскому, чем к исполнительскому творчеству»². Как и произведение, постановка может существовать отдельно от ее автора – режиссера-постановщика спектакля.

Пп 1 п. 1 ст. 1304 и абз. 2 п. 1 ст.1318 ГК ввели дополнительные критерии охраноспособности постановок: они должны выражаться в форме, позволяющей осуществить их **повторное**(1) публичное(2) исполнение; (3) сохранять узнаваемость конкретной постановки зрителями. Иными словами, многократное повторение в живом (устном) исполнении при устойчивости формы – признаки

¹ *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2000. С. 336.

² Там же.

произведения в постановке, в отличие от живого исполнения артиста-исполнителя, которое в силу импровизационности характера не может быть с достаточной точностью повторено дважды, поэтому у артиста-исполнителя интеллектуальные права возникают на каждое исполнение и срок их охраны исчисляется с 1 января года, следующего за годом, в котором артистом-исполнителем *осуществлены исполнение, либо запись исполнения, либо сообщение исполнения в эфир или по кабелю, либо доведение исполнения до всеобщего сведения*. Исполнение не имеет в качестве обязательного требования публичность, поэтому и моментов начала течения сроков несколько. Срок охраны исключительного права режиссера-постановщика спектаклей на постановку начинает течь с 1 января года, следующего за годом, в котором осуществлено *первое публичное исполнение постановки*. Установлен только один момент, с которого начинает течь срок – первое публичное исполнение; также и обнародование произведения¹ оказывает влияние на порядок исчисления срока течения исключительного права автора на произведение (ст. 1281 ГК).

При формальной оценке п. 1 ст. 1304 ГК можно обнаружить удивительную ситуацию: постановка в «живом» исполнении является охраноспособной, а

¹ Автору принадлежит право на обнародование своего произведения, то есть право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое *впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения* путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом (п. 1 ст. 1268 ГК).

«живое» исполнение, в котором она существует, – нет. При этом постановку во время публичного «живого» исполнения от исполнения отделить невозможно.

П. 1 ст. 1304 ГК РФ определил, что исполнения охраняются, если они «выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств», т. е. живые исполнения артистов-исполнителей не признаются в качестве охраноспособных объектов.

Комплексный анализ п. 1 ст. 1225, статей §§ 1 и 2 главы 71 ГК РФ показывает, что «живые» исполнения не могут быть неохраноспособны, а дело в некорректности формулировки п. 1 ст. 1304 ГК: Кодекс предусматривает право артиста-исполнителя использовать исполнение (ст. 1317), в том числе разрешать его запись. Статья 1318 ГК РФ разделяет исполнение и запись исполнения. Следовательно, согласно Кодексу «живые» исполнения охраноспособны. Иной подход вступал бы в противоречие не только с юридической, а и с обычной логикой. Таким образом, можно сделать однозначный вывод: живые исполнения охраноспособны, а формулировка подп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ это неудачная попытка определить, что такое объективная форма исполнений, причем сделанная с использованием недопустимых критериев и в противоречие нормам международных договоров, в частности Римской конвенцией и ДВИФ. ДВИФ специально выделяет регулирование прав артистов-исполнителей на незаписанные исполнения (ст. 5, 6). Отсюда ч. 4 ст. 15 Конституции РФ должна играть свою блокирующую роль: поскольку

ку п. 1 ст. 1304 ГК противоречит международным договорам, действуют нормы международных договоров.

Авторы музыкальных, драматических, музыкально-драматических, музыкальных, хореографических произведений, пантомимы (далее – сценические произведения) не могут довоссоздать форму своих произведений без помощи постановок и исполнений, без которых они существуют только в форме литературных произведений. Иначе говоря, сценические произведения в конечной своей форме – это и есть их постановки и исполнения, которые созданы другими лицами.

Отсюда получаем, что режиссер-постановщик спектакля, переводя сценические произведения из литературного в форму, ради которых они и создавались, одновременно меняют **способ выражения оригинального произведения** (литературное произведение на собственно музыкальные, драматические и проч. произведения) и **объективную форму** (письменную на устную (живую) или в форме записи постановки (фонограммы, аудиовизуального произведения)).

При этом режиссер-постановщик в процессе **самостоятельного творчества**, переводя произведение из одной **формы в другую** и **меняя способ его выражения**, накладывает отпечаток своей индивидуальности и придает постановке **собственную манеру**¹ (т. е. **меняются элементы внутренней формы оригинального произведения**, а именно художественные образы), и, **следователь-**

¹ Пп 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ требует «узнаваемость конкретной постановки зрителями».

но, создается новое произведение, раз авторское право полагает критерием охраноспособности объективную форму выражения, и, с точки зрения авторского права, сюжет, тема, идея сами по себе не являются произведением, а, значит, и не охраняются (п. 5 ст. 1259 ГК РФ). Авторское право признает создание одних произведений на базе других, в том числе путем изменения формы, как самостоятельное творчество.

П. 1 ст. 1259 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень объектов авторского права. Постановка спектакля отвечает всем необходимым условиям охраноспособности произведений, установленным Гражданским кодексом, в связи с чем постановка спектакля может быть отнесена к объектам авторского права. Эта мысль не нова. Более дискуссионным вопросом является: каким видом произведения является постановка (соавторство, производное произведение, составное произведение, особый вид произведения).

Наибольшее число сторонников у позиции выделения постановки в отдельный вид произведений по аналогии с аудиовизуальным произведением и у позиции признание за постановками режима производных произведений¹.

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в главу 71 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; Committee of Governmental Experts on the Evaluation and Synthesis of Principles on Various Categories of Works (Geneva. June 27 to July 1, 1988)// Copyright: Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1988. No. 11; Preparatory Document for and Report of the WIPO/Unesco Committee of Governmental Experts

По различным многочисленным источникам собраны и суммированы позиции противников повышения уровня охраны режиссеров-постановщиков спектаклей аналогично режиссерам-постановщикам аудиовизуальных произведений. Они приводят, в основном, следующие аргументы в защиту своей позиции, например, сценарий аудиовизуального произведения и само аудиовизуальное произведение – это разные объекты, а *пьеса уже создана в форме в которой должна существовать постановка*, режиссер-постановщик спектакля **только** «оживляет» описание, характеры, реплики, действия. Иными словами в этом аргументе сценические произведения обозначены как готовые формы постановки (театрального представления), т. е. *не разделяются литературные произведения (пьесы) и собственно постановки (спектакли) этих пьес*, как *разные объективные формы произведения, способы их выражения и разные объекты авторского права и смежных прав*. Сценарий аудиовизуального произведения и само аудиовизуальное произведение также, как и постановки, относятся к разным объективным формам, способам выражения и, по этой причине, являются разными объектами авторского права. Таким образом, сценарий для аудиовизуального произведения и сценическое произведение для театральной постановки первоначально существуют для аудиовизуального произведения и постановки спектакля в одинаковой мере: как литературное

(Paris, May 11 to 15, 1987)// Copyright Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1987. No. 6; SCCR/36/8. July 12, 2018.

произведение, с одной стороны, и аудиовизуальное произведение (постановка), с другой.

Второй аргумент противников выравнивания прав режиссеров-постановщиков спектаклей и режиссеров-постановщиков аудиовизуальных произведений в том, что вклад режиссера-постановщика спектакля «не достаточен» по сравнению со вкладом автора. Это замечание в отношении постановок, имеющих творческий характер (а театральные постановки именно такой и носят), этот аргумент некорректен с точки зрения ст.ст. 1228, 1257 ГК и п. 1 ст. 1259 ГК, в которых закреплены основополагающие принципы интеллектуальной собственности: даже самый незначительный творческий вклад охраноспособен¹, и объектами авторских прав являются произведения независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. **Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата**, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ (п. 1 ст. 1228 ГК). Даже противники авторско-правовой охраны постановок не отрицают, что деятельность режиссера-

¹ Более того, творческий вклад охраноспособен даже тогда, когда неопределим (коллективные произведения, коллективные исполнения)

постановщика спектакля носит творческий характер, а возможность оценки достаточности или недостаточности творческого вклада исключают международные договоры и Гражданский кодекс.

И самый распространенный аргумент защитников смежно-правовой охраны постановок – это «нецелесообразность» авторско-правовой охраны – без пояснений.

Большинство экспертов по авторскому праву придерживаются мнения, что даже если оригинальные сценические произведения содержат подробные пояснения относительно постановки, то у режиссера-постановщика спектакля по-прежнему остаются широкие возможности для интерпретаций оригинальных произведений, при этом интерпретации будут содержать оригинальные творческие элементы, которые заслуживают охраны по нормам авторского права.

Существует несколько позиций по поводу авторско-правовой квалификации постановок в качестве¹:

- а) соавторов режиссера-постановщика спектакля и автора оригинального произведения;
- б) производное произведение (переработка в виде инсценировки);
- в) составное произведение;

¹ Evaluation and synthesis of principles on the protection of copyright and neighboring rights in respect of various categories of works: memorandum prepared by the secretariats. Part III. Comments on the draft principles/ UNESCO/WIPO/CGE/SYN/3-III. P. 30 // <http://www.wipo.int>

г) самостоятельное произведение по аналогии с аудиовизуальным.

Позиции зависят от оценки объема творческого вклада режиссера-постановщика спектакля в постановку¹.

Если режиссер-постановщик спектакля максимальной точностью реализует замысел автора, то некоторые эксперты полагают вклад режиссера-постановщика спектакля недостаточным для признания его в качестве самостоятельного результата творческой деятельности, но и в этом варианте предлагается два способа охраны: смежно-правовая или авторско-правовая как производных произведений. Надо заметить, что последняя точка зрения из двух превалирует: режиссер-постановщик спектакля, переводя литературное произведение в форму сценической постановки, не может избежать личностного вклада, как бы он ни придерживался точности текста оригинального произведения.

А если изменений оригинального текста существенно больше, вплоть до того, что режиссер-постановщик спектакля использует оригинальное произведение просто в качестве «сырья»? Изменения могут достигнуть такого масштаба, что постановка безусловно будет новым самостоятельным оригинальным произведением, в котором исполь-

¹ Как это предлагается в принципах, выработанных в Evaluation and synthesis of principles on the protection of copyright and neighboring rights in respect of various categories of works. UNESCO/WIPO/ CGE/ SYN/ 3-III/ April 11, 1988.

зовались лишь некоторые основные идеи чужого произведения.

С позиций ст. 2(3) Бернской конвенции, п. 2 ст. 1259 ГК РФ, ст. 1260 ГК РФ постановки спектаклей можно рассматривать в качестве производных произведений: они могут подпасть как под переработку (инсценировку, адаптацию), так и под составное произведение. Но этот режим не подходит для постановок в связи с тем, что производные произведения не являются сложным объектом, а постановка является.

Согласно ст. 1313 режиссер-постановщик спектакля осуществляет постановку **театрально-зрелищного представления**. Театрально-зрелищное представление относится к **сложным объектам**, так же как, в частности, аудиовизуальное, мультимедийное произведение. Сложным признается объект, если он включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) и является единым произведением¹.

В постановке много авторско-правовых элементов, принадлежащих другим лицам: автору оригинального произведения, автору сценария (либретто), декоратору, художнику, дизайнеру по костюмам, композитору, поэту, хореографу, автору пантомимы, гримеру и т. д.), а также смежные права артиста-исполнителя, режиссера-постановщика спектакля и дирижера. Исключительные права на театрально-зрелищное представление возникают у лица, организовавшего создание сложного объекта

¹ Определение Свердловского областного суда от 8 ноября 2012 г. по делу N 33-13641/2012

на основании договоров с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Вряд ли к сложным объектам могут быть отнесены обычные концерты или детские утренники, которые хотя и состоят из различных результатов интеллектуальной деятельности, но не составляют единого целого как творческий результат¹.

Объектом статьи 1313 ГК постановка спектакля будет в случае, если отвечает критериям театрально-зрелищного представления, а сам спектакль может быть театральным, цирковым, кукольным, эстрадным или иным.

В международном сообществе, надо заметить, склоняются к охране только театральных режиссеров-постановщиков спектаклей², т. е. только тех постановок, которые осуществлены по сценическим произведениям.

Полагаем, что в будущем, возможно, охрана постановок разделится на авторско-правовую и смежно-правовую именно по принципу деления объектов постановок на театральные и иные (эстрадные, цирковые и т. п.). Если, конечно, международное сообщество или российский законодатель не сочтет возможным при наличии творческого вклада режиссера-постановщика спектакля охранять такие постановки по нормам о состави-

¹ Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2007. N 3. С. 124.

² SCCR/36/8.PROV. July 12, 2018.

тельстве на основании ст. 2 (5) Бернской конвенции, п/п 2 п. 2 ст. 1259 ГК и п. 2 ст. 1260 ГК. Даже если концерт не связан определенной сюжетной линией, он бесспорно нуждается в режиссуре и координации. Напрашивается аналогия с составителями сборников, которые систематизируют материал в определенной последовательности, и этот труд, считаясь творческим, дает составителям сборников авторские права.

С нашей точки зрения именно из-за многокомпонентности театрально-зрелищного представления и многофункциональной роли в его создании режиссера-постановщика спектакля так же, как аудиовизуальное произведение и роль его режиссера-постановщика, постановка больше тяготеет к признанию постановки театрального спектакля в качестве самостоятельного объекта. Также, как и в случае с аудиовизуальными произведениями, следует определить соавторов постановки спектакля. Двоих можно назвать с уверенностью сейчас: режиссер-постановщик, сценарист (и/или автор оригинального произведения). Полагаю, что перечни этих лиц должны быть максимально приближены к п. 2 ст. 1263 ГК: видеозапись постановки влечет возникновение аудиовизуального произведения, а значит перечень соавторов при переводе постановки в другую форму выражения не должен меняться, иначе это может привести к конфликту правовых норм, что повлечет, в свою очередь, непредсказуемость их толкования.

Режим записи постановки в ГК не определен, но некоторые комментаторы начали толковать его как особый объект – запись постановки – и утверждать

нецелесообразность отнесения ее к аудиовизуальному произведению, отсюда режим записи постановки, также как и сама постановка, должны регулироваться нормами об исполнительской деятельности. Ни п. 1 ст. 1263 ГК¹, ни п/п 4 п. 1 ст. 1317² ГК не содержат очевидных оснований, критериев, условий, которые бы позволили видеозапись постановки не отнести к аудиовизуальным произведениям. Видеозапись постановки спектакля с очевидностью содержит признаки произведения. С аналогичной проблемой суды столкнулись при квалификации «записей телепередач». Судебная практика, исходя из системного толкования, признала их аудиовизуальными произведениями³.

¹ Аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

² Запись исполнения, то есть фиксация звуков и (или) изображения или их отображений с помощью технических средств в какой-либо материальной форме, позволяющей осуществлять их неоднократное восприятие, воспроизведение или сообщение

³ Например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.06.2014 г. № С01-535/2014 по делу № А40-74014/2013; Постановление Суда по интеллектуальным

Оспаривается авторский характер даже письменных указаний режиссера-постановщика спектакля (так называемые, режиссерский сценарий, режиссерская партитура). К постановке режиссер-постановщик создает режиссерский сценарий, который является самостоятельным объектом его интеллектуальных прав и может содержать множество различных компонентов: анализ пьесы, разложение ее на более мелкие сцены, чем в оригинальном произведении, выработку основного видения, общей концепции, единого, определяющего замысла, разработка декораций, костюмов, сцен, освещения, подборка актерского состава, указания актерам, разработка диалогов, музыкального, шумового сопровождения, сценические трюки, приемы и проч., и проч. Таких указаний невозможно избежать и в устной форме. Иногда в основном именно в такой форме они и есть. Указания режиссера-постановщика спектакля являются объектом авторского права как литературное произведение, вне зависимости от формы (письменной или устной¹), в которой они сделаны. Казалось бы, это бесспорный факт, но и у этой бесспорной позиции в российской цивилистике оказались противники, ссылающиеся именно на незначительность творческого вклада.

правам от 30 января 2017 г. № С01-1029/2016 по делу № А40-14248/2016.

¹ Возможно, что в случае устных указаний могут возникнуть проблемы с охраноспособностью, поскольку в этой форме они приближаются к идее, а идея неохраноспособна (п. 5 ст.1259 ГК).

В мировой культуре встречаются различные уникальные случаи, когда пьеса может состоять только из сценических указаний (С. Беккет «Без слов») аналогично режиссерскому сценарию¹. А в отношении хореографии (пантомимы) разница между записью хореографии и постановочными указаниями еще менее очевидна – это не текст, это движения. Кстати, надо заметить, что до изобретения трехмерной записи далеко не всякая хореография может быть записана: некоторые направления танца могут быть переданы только путем репетиций, и даже видеозаписи (до изобретения трехмерных, позволяющих рассматривать изображение со всех сторон) не смогут точно передать движения. Автор хореографии или пантомимы часто выступает в качестве режиссера-постановщика соответствующей постановки.

Отказ постановкам в авторско-правовой охране порождает еще одну существенную проблему, и это выглядит странным: письменные указания режиссера-постановщика к *постановке* – объект авторского права, но они не могут защитить ее в живом исполнении как объект авторского права. Аналогично, хореография – объект авторского права, а сценическая постановка ее уже нет, хотя процесс создания хореографии и постановки в целом мало чем отличаются друг от друга. Можно возразить, что указания режиссера-постановщика основаны на тексте пьесы, в то время как постановка основана уже на этих указаниях. Но на каждом этапе создания постановки появляется новый

¹ Согласно §17 Civil Code Of USA охраняется авторским правом

творческий вклад, каждый из которых, кстати, может принадлежать разным лицам. На сегодняшний момент эта ситуация порождает серьезные проблемы и конфликты в распределении прав между правообладателями. Это не российская проблема, это проблема существует во всем мире: как отмечают эксперты и сами театральные деятели, на сегодняшний момент из-за несовершенства правового регулирования в этой области решить ее можно только путем согласования необходимых условий в договорах с режиссером-постановщиком. За рубежом большую роль в защите режиссеров-постановщиков спектаклей играют профсоюзы, которые следят за содержанием договоров с режиссерами-постановщиками и вырабатывают обязательные правила таких договоров, обеспечивающих определенный уровень их защиты и являющихся планкой для остальных участников театральной деятельности, ниже которой они не могут опускаться. К сожалению, профсоюзное движение в России слишком слабое, чтобы защитить наших режиссеров-постановщиков спектаклей.

Таким образом, упомянутые в статье результаты творческого труда режиссера-постановщика носят авторско-правовой характер, и поэтому регулирование его интеллектуальных прав должно определяться по нормам авторского права. Однако характер прав режиссера-постановщика до сих пор носит спорный характер. Однозначного решения этого вопроса в мире нет. На 36 сессии Постоянного комитета ВОИС по авторскому праву и смежным правам участники сессии предложили Комитету критически взглянуть на систему авторских прав,

где один и тот же объект театральных режиссеров мог быть защищен либо авторским правом, либо смежными правами¹.

Постоянный комитет ВОИС по авторскому праву и смежным правам на 36 сессии обсудил и принял предложение России о проведении фундаментального исследования в данной области, начать которое планируется в будущем году². Еще через несколько лет спор по поводу охраны прав режиссеров-постановщиков спектаклей будет решен. Надеюсь, что эксперты ВОИС действительно выберут оптимальный способ охраны и не будут руководствоваться двойными стандартами, основанными на «недостаточности творческого вклада» и «целесообразности».

Библиографический список:

1. Copyright Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1987. No. 6.
2. Copyright: Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1988. No. 11
3. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2000.

¹ SCCR/36/8.PROV. §255. July 12, 2018.

² SCCR/36/8.PROV. July 12, 2018; Fiftieth (27th Extraordinary) Session of WIPO General Assembly. Geneva, September 24 to October 2, 2018/ Код документа: WO/GA/50 JULY 23, 2018// <http://www.wipo.int>. Предлагаемый порядок проведения исследования в области охраны прав режиссеров-постановщиков. Код документа: SCCR/37/3 06 ноября 2018 г /37 сессия Постоянного комитета ВОИС по авторским и смежным правам. 26–30 ноября 2018г. Женева // <http://www.wipo.int>

Е. В. КОВАЛЁВА

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, аспирант (117279, город Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а, тел.: (495) 330-10-83, info@rgiis.ru)

**ГЕНЕЗИС ДОГОВОРА
НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ
ЖИЛИЩНОГО ФОНДА
СОЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: договор; найм жилого помещения; Жилищный кодекс; жилищный фонд

Аннотация: Гарантированное ст. 40 Конституции Российской Федерации право каждого на жилище довольно часто может быть реализовано гражданами лишь при существенной помощи и поддержке государства. Именно поэтому часть вторая указанной статьи устанавливает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. В статье рассматривается генезис договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования.

Диспозиция ст. 40 Конституции Российской Федерации лишь констатирует факт видов деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, не возлагая на них обя-

занности обеспечивать каждого жильем. Иными словами, действующая в Российской Федерации правовая система включает юридические и организационные основы государственной жилищной политики, определяет ее приоритетные направления и разрабатывает механизмы эффективной реализации, которые отражаются в специальных нормативных правовых актах. Так, в рамках федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы был реализован комплексный подход к развитию жилищного строительства, осуществлялись мероприятия по возмещению затрат (части затрат) на уплату процентов по кредитам, полученным субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями или юридическими лицами в кредитных организациях на цели обеспечения инженерной инфраструктурой земельных участков, предназначенных для строительства жилья экономкласса, а также по строительству (реконструкции) объектов социальной инфраструктуры в рамках реализации проектов по комплексному развитию территорий, предусматривающих строительство жилья экономкласса¹.

Кроме того, были приняты и реализованы другие важнейшие документы федерального уровня, направленные на максимальное удовлетворение нуждающихся жилыми помещениями, которые

¹ Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 г. № 1050 (ред. от 20.11.2018 г.) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

сформировали нормативную правовую базу, являющуюся основой регулирования вопросов, связанных с жилищным строительством и жилищно-коммунальным хозяйством. Тем не менее проблема обеспечения жильем тех категорий граждан Российской Федерации, перед которыми государство имеет обязательства по обеспечению жильем в соответствии с отечественным законодательством, остается одной из наиболее острых социальных проблем¹. Кроме того, Правительство РФ прекрасно осведомлено, что улучшить свои жилищные условия хотят лица, которые не относятся к малоимущим, но имеют доход, не позволяющий им приобрести жилье на коммерческой основе и задача органов государственной власти и органов местного самоуправления помочь таким гражданам приобрести жилье на некоммерческой основе. Соответственно, разработана система мероприятий, в рамках которых каждый гражданин сможет выбрать жилое помещение в зависимости от своего дохода. Таким образом, строительство некоммерческого жилья должно стать одним из способов решения столь важной социальной проблемы.

Именно поэтому государство разрабатывает и активно внедряет новые формы обеспечения жильем граждан России. Одной из таких форм поддержки граждан со средним уровнем дохода является введенный в 2014 г. в жилищное законода-

¹ Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 г. № 1710 (ред. от 08.11.2018 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

тельство Российской Федерации договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования с целью формирования рынка доступного наемного жилья и развития жилищного фонда некоммерческого использования. В частности, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования» предусмотрел новый вид жилищного фонда и установил требования к лицам, которые могут быть наймодателями и нанимателями по договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования, предмету, сроку и форме данного договора. Этот же документ определил существенные условия и основания заключения указанного договора найма жилых помещений жилищного фонда социального использования.

На основании упомянутого Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ Жилищный кодекс Российской Федерации дополнен гл. 8.1. Наем жилого помещения жилищного фонда социального использования, в которой двенадцать статей, довольно подробно регламентирующих существенные условия договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования, в том числе устанавливающих императивные требования к сторонам договора, объему их полномочий, сроку действия договора, основаниям его расторжения и выселения граждан.

Введено новое понятие «наемный дом социального использования», под которым понимается здание, все помещения в котором принадлежат на праве собственности одному лицу и все жилые помещения в котором предназначены для предоставления гражданам во владение и пользование для проживания. По моему мнению, для отечественной правовой системы это новаторская форма договора найма жилого помещения, нуждающаяся в многоаспектном исследовании, его предметом должна стать специфика правового регулирования договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования, по результатам которого необходимо выявить как положительные факторы заключения и осуществления такого договора, так и его недостатки с тем, чтобы разработать подходы к их преодолению.

Решить эти задачи исследования только посредством анализа нормативной правовой базы невозможно, необходим системный обзор доктринальных положений, структурная оценка формы договора некоммерческого найма жилого помещения; выявление потенциальных проблем, связанных с использованием данного договора, раскрытие его прикладного значения; сравнительный анализ сходных и отличающихся положений смежных с исследуемым договором. Конечно, представить в рамках данной статьи результаты такой работы не представляется возможным. Поэтому уделю основное внимание генезису договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования и актуальным вопросам. Возникающим при его использовании.

Интересно отметить, что несмотря на относительную новизну анализируемого договора для современного российского законодательства, прототип данной правовой конструкции был известен законодательству Российской Империи. Так, в период XVIII–XIX веков в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, лишь малая часть населения имела жилье на праве собственности. Основную массу жителей города составляли рабочие мануфактур и фабрик, которые прибывали в город на зимнее время для заработка, а весной возвращались в сельскую местность. Поэтому владельцы производственных предприятий строили наемные дома, в которых сдавали жилые помещения своим работникам в аренду по цене значительно ниже рыночной¹.

Кроме того, в городах активно возводились доходные дома, в которых сдавались в аренду беднейшей части населения «углы и койки». Такие дома принадлежали частным лицам, благотворительным организациям, монастырям и учебным заведениям, они как правило, из-за низкой платы не приносили существенной прибыли². Важно отметить, что Российская Империя не строила наемные и доходные дома.

¹ *Семина Т. А.* Развитие института доступного наемного жилья в России с использованием инструмента государственно-частного партнерства // Законодательство и экономика. 2015. № 11. С. 7

² *Усольцева Н. А.* Вопросы построения в Российской Федерации модели некоммерческого найма жилья // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. С. 136

После революции 1917 г. и перехода к новой экономической политике темпы правящая партия взяла курс на ускоренный промышленный рост, соответственно, города получили приоритетное развитие, государство активно строило новые города и предоставляло жилье гражданам из государственного жилищного фонда, из-за чего доходные дома утратили свое название, некоторые из них были реконструированы в государственные гостиницы.

Однако, гарантированное ст. 44 Конституции (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07 октября 1977 г., ред. от 14 марта 1990 г.) право граждан СССР на жилище, обеспечиваемое развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги, явно не соответствовало действительности: нуждающиеся в жилых помещениях граждане состояли на специальном учете в уполномоченных органах государственной власти и органах местного самоуправления достаточно длительные периоды времени, иногда более десяти лет. Если учесть уровень заработной платы основной массы населения СССР, то становится понятным почему многие нуждающиеся в жилом помещении граждане не могли воспользоваться кооперативным строительством.

После распада социалистического государства и образования Российской Федерации ситуация с удовлетворением потребностей граждан в жилье по-прежнему оставалась напряженной. Поэтому Правительство РФ вынуждено изыскивать новые, а также возвращать забытые, способы расширения возможностей предоставления гражданам жилых помещений.

Предпосылками для возрождения практики сдачи жилых помещений в наём из специализированных жилищных фондов в современном российском законодательстве стали задачи, поставленные в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»¹, с учетом темы настоящей статьи выделим следующие:

- обеспечить формирование рынка доступного арендного жилья,
- развить некоммерческий жилищный фонд для граждан, имеющих невысокий уровень дохода

Во исполнение указанных задач, Распоряжением Правительства РФ от 29 августа 2012 г. № 1556-р утвержден перечень мероприятий, которые включали разработку федерального закона, направленного на модернизацию жилищного законодательства, а также ряда постановлений Правительства

¹ Усольцева Н. А. Вопросы построения в Российской Федерации модели некоммерческого найма жилья // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. С. 138

РФ, обеспечивающих финансовую поддержку формирования рынка доступного арендного жилья и развитие некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень дохода. По сути, эти мероприятия послужили юридической базой для разработки и введение в действие уже упоминаемого

Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ, которым внесены дополнения Жилищный кодекс РФ, касающиеся договора найма жилого помещения жилищного фонда социального использования¹, который нуждается в комплексном анализе не только с точки зрения его существенных условий, но и характеристике сторон, особенностей заключения и расторжения. Научная значимость и практическая ценность этого договора обусловила необходимость продолжения его исследования.

Библиографический список:

1. *Крюкова Е. С.* Новеллы жилищного законодательства в сфере наемных отношений // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1(122).

2. *Семина Т. А.* Развитие института доступного наемного жилья в России с использованием инструмента государственно-частного партнерства // Законодательство и экономика. 2015. № 11.

3. *Усольцева Н. А.* Вопросы построения в Российской Федерации модели некоммерческого най-

¹ *Крюкова Е. С.* Новеллы жилищного законодательства в сфере наемных отношений // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1(122). С. 186.

ма жилья // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014.

ФИНАНСЫ И ПРАВО

М. А. ЯКОВЛЕВА

Международный исследовательский институт, старший научный сотрудник центра финансово-правовых исследований, кандидат исторических наук (109147, г. Москва, ул. Марксистская, д. 5)

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: финансовое право; банковская система; финансовая интеграция; Евразийский экономический союз; транснациональные банки

Аннотация: Статья посвящена интеграционным процессам в евразийском регионе в их финансово-правовом аспекте. Как известно, заявляемыми целями финансовой и банковской интеграции на постсоветском пространстве является, в перспективе, создание общего финансового рынка и после гармонизации законодательства – создание единого наднационального регулятора финансовых рынков.

В последнее время неоднократно подчеркивалась необходимость создания в рамках ЕАЭС крупных региональных транснациональных компаний и

банков, которые позволили бы укрепить региональные экономические связи и создать прочную финансово-экономическую основу интеграции. В частности, И. Г. Суворов, акцентирует внимание на создании крупных финансовых компаний, банков, валютных и фондовых бирж. Интеграционные группировки на евразийском пространстве по его мнению, должны иметь собственные сильные банки с широким набором функций, ориентированные в первую очередь на развитие интеграционных процессов и способные финансово их поддерживать¹. А. Г. Ломакин и Д. С. Вечернин также высказывают точку зрения, что на постсоветском пространстве необходимы финансовые институты для обслуживания интеграционных связей, сопровождения внешнеторговых операций и развития расчетов в национальных валютах². Схожую позицию занимают также авторы монографии «Евразийский экономический союз» – «важнейшим фактором устойчивости могли бы стать трансграничные компании и холдинги, имеющие переплетенные активы в ряде стран ЕАЭС. Такие проекты могут быть весьма сложными, но они сформировали бы скелет устойчивого интеграци-

¹ Суворов И. Г. Интеграция в валютно-финансовой сфере на постсоветском пространстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 10. С. 86.

² Ломакин А. Г., Вечернин Д. С. Состояние финансовых рынков стран ЕвразЭС и перспективы их интеграции // Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А. А. Климов, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012, С. 193.

онного проекта»¹. Соглашаясь с данными предложениями полагаем также необходимым разработать соответствующую правовую базу, регулирующую процесс организации и деятельности трансграничных финансовых и иных компаний, которые бы стали связующим звеном между экономиками интегрирующихся стран.

Достаточно успешные модели создания интегрированных банковских и финансовых рынков были использованы в Европейском Союзе и Советском Союзе. В Европейском союзе все унифицированные нормативные правовые акты, касающиеся финансово-правового регулирования банковской деятельности, собраны в Едином своде правил (Single Rulebook). Создание наднационального Банковско-го союза ЕС было в первую очередь обусловлено необходимостью консолидации банковского надзора за функционирующими трансгранично банковскими группами, и организацией контроля за национальными регуляторами, а также сокращением бюджетных расходов на финансовое оздоровление проблемных банков. Финансовый кризис 2008 г. показал, что национальные законодательства стран-членов ЕС не способны эффективно регулировать банковский сектор в условиях транснационального характера крупнейших европейских банков. Кроме того в ЕС потребовалось унифицировать разрозненные финансово-правовое регулирование банкротства и санации проблемных бан-

¹ Евразийский экономический союз / Под ред. Е. Ю. Винокурова, авт. коллектив: Е. Ю. Винокуров, Д. А. Коршунов, В. С. Перебоев, Т. В. Цукарев. СПб: ЕАБР, Центр интеграционных исследований, 2017. С. 207.

ков, что и было осуществлено в рамках Банковского союза.

Ретроспективный анализ законодательства, регулировавшего отечественные публичные денежно-кредитные и банковские отношения в период 1917 – середины 1920-х гг., свидетельствует о том, что законодательный процесс построения банковской системы РСФСР-СССР шел параллельно с унификацией денежного обращения. За счет такой синхронности правового оформления советской власти за короткий период времени удалось создать единую денежно-кредитную систему СССР во главе с Госбанком СССР, которая функционировала на протяжении более 60 лет и стала основой для создания в 1990-е гг. суверенных денежно-кредитных систем бывших республик СССР.

При этом, с исторической точки зрения советский опыт ближе современным интеграционным процессам на постсоветском пространстве по сравнению с опытом ЕС, в том числе потому, как справедливо отмечает С. Ю. Глазьев, что в отличие от ЕС, экономика ЕврАзЭС формировалась как единый народно-хозяйственный комплекс в рамках одного государства. Если европейские государства веками конкурировали и воевали друг с другом, то экономики государств ЕврАзЭС в течение последних двух столетий дополняли и поддерживали друг друга, а в советский период развились как единое целое¹.

¹ Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А. А. Климов, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012, С. 10.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что процесс интеграции банковского сектора стран-членов СНГ следует сконцентрировать в организационно-правовых рамках Евразийского экономического союза и разделить его на два этапа.

В ходе первого этапа предлагается принять «Концепцию формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза», заключить «Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка», принять «Основы банковского законодательства стран-членов ЕАЭС». На основе этих документов провести гармонизацию национальных банковских законодательств стран-членов ЕАЭС и обязать страны-члены систематически осуществлять информирование о проведенных гармонизационных мероприятиях.

В 2015 г. в рамках ЕАЭС был создан Евразийский совет центральных (национальных) банков (ЕСЦБ) – консультативно-совещательный орган с правом принятия решений рекомендательного характера по вопросам, относящимся к компетенции центральных (национальных) банков. Как представляется компетенцию ЕСЦБ возможно расширить и наделить его полномочиями по осуществлению контроля за процессом гармонизации банковского законодательства стран-членов ЕАЭС, а также полномочиями по подготовке экспертизы соответствия гармонизированного национального законодательства «Основам банковского законодательства ЕАЭС».

Кроме того, на первом этапе представляется целесообразным объединить национальные банковские сообщества государств-членов ЕАЭС и создать Евразийскую региональную банковскую ассоциацию по аналогии с Ассоциацией банков России (АРБ), с целью неформального учета национальной банковской практики и предложить ее членам подготовить проект рекомендательного характера интеграции банковского сектора.

Считаем, что на этапе гармонизации законодательства отсутствует необходимость создания наднационального мегарегулятора финансовых рынков, в связи с отсутствием соответствующих правовых условий для разграничения компетенции и полномочий между ним и национальными регуляторами, а также отсутствием правовой базы его организации и деятельности.

На втором этапе интеграции банковского сектора стран-членов ЕАЭС после успешной гармонизации банковского законодательства предлагаем осуществить постепенную унификацию банковского законодательства путем принятия Банковского кодекса ЕАЭС, имеющего прямое действие на территории ЕАЭС, и создания наднационального регулятора. При этом опыт создания единой евразийской системы банковского регулирования и надзора можно использовать для создания правовых основ функционирования общего финансового рынка ЕАЭС.

Единый орган банковского регулирования (в перспективе – финансового регулирования) предлагаем создать на базе Евразийского совета центральных (национальных) банков и поименовать

его как Евразийский центральный банк (ЕАЦБ), путем заключения соответствующего соглашения между странами-членами ЕАЭС. Правовой статус и правовые основы деятельности Евразийского ЦБ необходимо закрепить в Уставе ЕАЦБ, а также наделить его правом законодательной инициативы по вопросам отнесенным к его ведению. Кроме того, параллельно с созданием единого регулятора должны быть сформированы правовые основы контроля его деятельности, транспарентности интеграционного управления, подотчетности, ответственности за качество выполняемых функций.

Как показывает опыт Европейского союза, а также Советского союза, Европейский центральный банк и Госбанк СССР функционировали в рамках централизованной системы центральных банков, которая позволяет проводить единую денежно-кредитную и финансовую политику. Соответственно считаем необходимым в перспективе объединить центральные (национальные) банки и ЕАЦБ в систему центральных банков ЕАЭС, с заключением соответствующего соглашения и принятием Устава Системы центральных банков. При этом Систему центральных банков ЕАЭС следует наделить статусом международного юридического лица – совокупности юридических лиц и в Уставе прописать унифицированные правила организации и деятельности центральных банков. Единый регулятор финансового рынка ЕАЭС не может функционировать изолированно от национальных механизмов управления финансовыми рынками. Необходима единая система регулирования и управления финансовым рынком ЕАЭС. Что каса-

ется ЦБ РФ, то его правовой статус позволяет участвовать в деятельности международных организаций, которые занимаются развитием сотрудничества в денежно-кредитной, валютной, банковской сферах и иных сферах финансового рынка, в том числе развитием сотрудничества между центральными банками и (или) соответствующими регулирующими (надзорными) органами (организациями) (ст. 9 Закона О ЦБ).

Как отмечает С. Ю. Глазьев у «нас нет планов объединения денежных систем – их нет в политической плоскости, но и в экономическом плане объединение денежных систем выглядит, с нашей точки зрения, искусственной идеей, поскольку очевидно доминирующее значение России – это примерно 85% потенциала по объему ВВП ... в расчетах в национальных валютах рубль занимает более 90%, фактически являясь главной валютой расчетов. В Белоруссии рубль это еще и резервная валюта¹. Однако опыт ЕС и СССР также свидетельствует о необходимости на высоком уровне интеграции провести унификацию денежного обращения. В связи с этим после создания ЕАЦБ и его системы необходимо разработать и заключить соглашение по переходу ЕАЭС на единую евразийскую валюту. Считаем, что система ЕАЦБ должна в конечном итоге базироваться на общей денежной единице, что позволит более эффектив-

¹ *Глазьев С. Ю.* Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой. М.-Ростов-н/Д, 2014. С. 222.

но осуществлять регулирование денежно-кредитных отношений в ЕАЭС. Однако следует учитывать, что введение общей евразийской валюты может потребовать внесения изменений в Конституцию РФ (ст. 75) и Закон о ЦБ РФ (ст. 4, ст. 27) устанавливающих, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль, денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации, введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются, а банкноты (банковские билеты) и монета Банка России – единственное законное средство наличного платежа на территории РФ.

На втором этапе создания интегрированного банковского сектора ЕАЭС необходимо также ввести единые правила лицензирования банковской деятельности. Это можно осуществить несколькими способами:

- единый банковский паспорт, выдаваемый центральным (национальным) банком одной страны-члена ЕАЭС и признаваемый всеми остальными государствами-членами ЕАЭС,

- общеевразийская банковская лицензия, выдаваемая Евразийским центральным банком по представлению национальных центральных банков. При реализации второго варианта лицензирование банков, не функционирующих трансгранично можно оставить в компетенции национальных центральных банков. Полномочия по банковскому надзору также возможно распределить между ЕАЦБ и национальными ЦБ таким образом, чтобы ЕАЦБ осуществлял надзор за банками, функцио-

нирующими трансгранично, а национальные ЦБ – за местными банками.

В настоящее время ЕАЭС находится лишь в начале своего пути, интеграция в банковской и финансовой сфере пока остановилась в стадии фактически разработки, финансовые цели, закрепленные в Договоре о ЕАЭС носят достаточно общий характер, правовые механизмы их достижения до конца не выработаны. С одной стороны, это может вызвать некоторые опасения относительно жизнеспособности и эффективности нового евразийского формата. Однако, с другой стороны, недостаточная правовая обеспеченность процесса финансовой интеграции представляет собой предмет для проведения научно-исследовательских работ, в том числе, по финансовому праву и позволяет ученым правоведам внести свой вклад в создание концептуальной научно-обоснованной парадигмы финансовой и банковской интеграции на постсоветском пространстве, включающей в себя конкретные предложения по совершенствованию нормативных правовых инструментов регулирования банковских систем стран-членов СНГ в условиях региональной экономической интеграции.

Библиографический список:

1. *Суворов И. Г.* Интеграция в валютно-финансовой сфере на постсоветском пространстве // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2011. № 10.
2. *Ломакин А. Г., Вечернин Д. С.* Состояние финансовых рынков стран ЕврАзЭС и перспективы их интеграции // *Евразийская интеграция в XXI*

веке / Ред. группа: А. А. Климов, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012.

3. Евразийский экономический союз / Под ред. Е. Ю. Винокурова, авт. коллектив: Е. Ю. Винокуров, Д. А. Коршунов, В. С. Перебоев, Т. В. Цукарев. СПб: ЕАБР, Центр интеграционных исследований, 2017.

4. Евразийская интеграция в XXI веке / Ред. группа: А. А. Климов, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. М.: ЛЕНАНД, 2012,

5. *Глазьев С. Ю.* Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой. М.-Ростов-н/Д, 2014.

А. А. ТЕДЕЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заместитель директора Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, кандидат экономических наук (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, тел.: (495) 771-32-32; hse@hse.ru)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОГО ВАЛЮТНОГО ПРАВА

Ключевые слова: финансовое право; валютное право; источники права; валютное регулирование; валютный контроль; законодательство

Аннотация: В статье рассматриваются формальные источники валютного права. Отмечается, что источники валютного права представляют собой совокупность официально определенных внешних форм, в которых содержатся нормы, регулирующие отношения, возникающие в процессе функционирования системы валютного регулирования, т. е. формы внешнего содержания валютного права.

Согласно положениям теории права источник права – это форма выражения государственной воли, направленной на признание факта существования права определенного содержания, на его формирование, изменение или констатацию факта

прекращения существования права определенного содержания¹. Как известно, возникновение, изменение и прекращение правоотношений формализуется в нормах соответствующей отраслевой принадлежности. Проблема источников права традиционно находится в эпицентре внимания аналитической юриспруденции². Как отмечает М. Н. Марченко, «с тех пор, как возникло право, проблемы источников его образования, форм его организации и существования постоянно привлекали к себе повышенное внимание исследователей»³.

Понимание источников права неоднозначно среди различных исследователей, что особенно остро проявилось в советский период развития отечественной юридической науки. Естественно, с учетом известной преемственности, упорное стремление определить содержание основных (базисных) правовых категорий той или иной отрасли и в настоящее время выступает характерной чертой современной российской юридической науки. Отметим, что ни дореволюционной, ни зарубежной юриспруденции не свойственны «столь пристальное внимание к определению точных формул аб-

¹ См., напр.: *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004. С. 238–239; *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2004. С. 393–394; *Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева.* М.: Юристъ, 2000. С. 175–176.

² См. подр.: *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт-М, 2001. С. 216–218.

³ *Марченко М. Н.* Источники права. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. С. 3.

страктных вещей»¹, «бесконечные споры о границах понятий и тому подобных вещах»² и организация дискуссий с целью «сравнить различные точки зрения и выработать единую позицию по конкретному вопросу»³. И все же, прежде чем перейти к анализу содержания, формы организации и системы корреляций нормативных правовых актов, содержащих нормы права, направленные на регулирование валютных отношений на современном этапе их развития, необходимо определиться в вопросе о том, что понимается в отечественной аналитической юриспруденции под самим термином «источник права».

До октябрьской революции в российском праве под источниками права, как правило, понимались «формы выражения положительного права, которые имеют значение обязательных средств означения с действующим правом»⁴. Например, И. В. Михайловский отмечал, что источниками права являются факторы, творящие право; при этом разногласия у отдельных ученых вызывает лишь вопрос о том, что должно считаться «правотворящими факторами»⁵. Г. Н. Муромцев писал, что под

¹ *Hamann F.* Das Staatsrecht der Postcommunismrepublic. Munchen: BEK Verlag, 2004. С. 55.

² *Белкин А. А.* Актуальные вопросы теории и практики источников права. М., 2006. С. 102.

³ *Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А.* Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. М.: Профобразование, 2002. С. 5.

⁴ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1911. С. 36.

⁵ См.: *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 237.

источником права следует понимать обусловленный характером правопонимания данного общества способ признания социальных норм в качестве обязательных¹.

В советское время С. Ф. Кечекьян отмечал, что данное понятие «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Спорным является самый смысл, в котором употребляются слова “источник права”. Ведь “источник права” – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением»².

Отметим, что в советский период наиболее острые дискуссии³ вызывало соотношение понятий «источник права» (например, к позиции о более верном употреблении именно этого термина склонялись С. С. Алексеев⁴, С. А. Голунский, М. С. Строгович⁵, Е. Ф. Кечекьян⁶, С. Л. Зивс⁷ и др.) и

¹ См.: Теория права и государства / Под ред. Г. Н. Манова. М., 2000. С. 149.

² Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. М., 1946. Кн. 2. С. 3.

³ См. подр.: Зивс С. Л. Источники права. М., 1982. С. 11–32.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. II. М., 1982. С. 211–215.

⁵ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 173–175.

⁶ Карева М. П., Кечекьян С. Ф., Федосеева А. С., Федькин Г. И. Теория государства и права. М., 1955. С. 73.

⁷ См., напр.: Зивс С. Л. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М.: Изд-во АН СССР. С. 46; Зивс С. Л. Источники права. М., 1982.

«форма права» (Н. Г. Александров¹, А. Ф. Шебанов² и др.), а равно – соотношение понятий «источник права в материальном смысле» и «источник права в формальном смысле»³. В первом случае (в значении «источник права в материальном смысле») к источникам права относят объективные факторы, «порождающие» право как социальное явление, т. е. то, что стало причиной образования права. В качестве таких факторов выступают материальные и духовные аспекты жизни общества, природа вещей, божья воля и воля законодателя и т. д.

Во втором случае под «формальным источником права» действительно имеется в виду форма внешнего выражения содержания действующего права. При этом понятие источника права связывают и с непосредственной деятельностью уполномоченных органов государства по формированию права, приданию ему формы законов, указов, постановлений и других нормативно-юридических документов. Таким образом, можно сказать, что под внешней формой права понимаются способы установления правовых норм. В юридической литературе именно за ними утвердилось традиционное

¹ См., напр.: *Александров Н. Г.* Понятие формы права // В кн.: *Основы теории государства и права*. М.: Госиздюрлит, 1963. С. 35–40.

² См.: *Шебанов А. Ф.* Форма советского права. М., 1968.

³ См. подр.: *Общая теория права*. Академический курс / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. М., 1998. С. 132.

наименование «источники права»¹. При этом формальные источники права в литературе иногда обозначаются и термином «форма права»².

В современной юридической науке под источниками права чаще всего понимают форму выражения правила, сообщающую ему качество правовой нормы³; «внешнюю форму объективации, выражения права»⁴; выражение «нормативной государственной воли»⁵; «резервуар», в котором пребывают юридические нормы⁶; форму установления и выражения правовых норм⁷ и т. д. По крайней мере, в настоящее время такое понимание этого понятия преобладает, поэтому указанные споры счи-

¹ См.: *Муромцев Г. И.* Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия высшей школы. Правоведение. М., 1992. № 2. С. 23.

² См., напр.: *Шебанов А. Ф.* Формы советского права. М., 1960. С. 613.

³ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970. С. 580.

⁴ См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1996. С. 336–338.

⁵ См.: Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н.-Новгород, 1993. С. 247–249.

⁶ См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1982. С. 315.

⁷ См.: *Кечекьян С. Ф.* О понятии источника права / Ученые записки МГУ. Вып. 116. М., 1946. Кн. 2. С. 4; *Александров Н. Г.* Понятие источника права / Ученые труды ВИЮН. М., 1946. Вып. VIII. С. 23; *Зивс С. Л.* Источники права. М., 1982. С. 22–23; *Мицкевич А. В.* Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 15; *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 219.

таются преодоленными. Однако отдельные исследователи полагают, что дискуссия по данному вопросу не исчерпана ввиду необходимости переноса проблемы в плоскость соотношения понятий «право» и «закон»¹, т. е. в сферу изыскания определения самого права. При таком подходе решение вопроса об указанном соотношении производно от решения проблем правопонимания². Как указывает М. Н. Марченко, от того, на каких методологических позициях находится исследователь, придерживается ли он позитивистских воззрений или же стоит на позициях естественного права, в полной мере зависит и его представление о формах и источниках права³.

Кроме того, необходимо отметить: некоторыми современными российскими исследователями подчеркивается, что в «отечественной юридической науке отсутствует общепринятое понятие источников права. Вместе с тем, реализация концепции правового государства в целях обеспечения устойчивого развития российского общества в целом предполагает наличие научно обоснованной концепции источников права»⁴.

Можно утверждать, что и в советский, и в современный периоды, проблема источников (форм) внешнего положительного выражения права не

¹ См.: *Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А.* Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. М.: Профобразование, 2002. С. 108.

² *McLeod I.* The Legal Theory. London, 1999. P. 410.

³ *Марченко М. Н.* Источники права. М.: ТК «Велби», Изд-во «Прспект», 2005. С. 29.

⁴ *Гурова Т. В.* Источники российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 5.

получила, к сожалению, всесторонней теоретической разработки. Безусловно, указанное обстоятельство не может не оказывать существенное влияние, усложняя разработку соответствующих вопросов на отраслевом уровне, особенно применительно к новообразованиям в структуре российского права.

В настоящей статье речь идет об источниках валютного права, под которыми нами, естественно, понимаются именно формальные источники валютного права. При этом необходимо учитывать, что источники валютного права представляют собой совокупность официально определенных внешних форм, в которых содержатся нормы, регулирующие отношения, возникающие в процессе функционирования системы валютного регулирования, т. е. формы внешнего содержания валютного права.

Основными источниками валютного права, выступающими правовой основой осуществления валютного регулирования и валютного контроля в РФ являются Конституция РФ, общепринятые принципы международного права и международные договоры РФ, федеральные конституционные законы (например, Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»), федеральные законы (Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (от-

мыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и иные федеральные законы), а так же подзаконные нормативно-правовые акты.

Международные договоры РФ применяются к валютным отношениям непосредственно, за исключением случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта валютного законодательства РФ. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены Законом о валютном регулировании, применяются правила указанного международного договора.

Органы валютного регулирования издаются нормативные правовые акты по вопросам валютного регулирования только в случаях, предусмотренных валютным законом. Акты валютного законодательства РФ и акты органов валютного регулирования применяются к отношениям, возникшим после вступления указанных актов в силу, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральными законами.

К отношениям, возникшим до вступления в силу соответствующих актов валютного законодательства России и актов органов валютного регулирования, указанные акты применяются в части прав и обязанностей, возникших после вступления их в силу. Акты валютного законодательства России и акты органов валютного регулирования, устанавливающие новые обязанности для резидентов и нерезидентов или ухудшающие их положение, обратной силы не имеют.

Кроме того, необходимо учитывать, что акты валютного законодательства РФ и акты органов валютного регулирования, отменяющие ограничения на осуществление валютных операций или иным образом улучшающие положение резидентов и нерезидентов, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это.

Как и все законодательные документы, акты валютного законодательства России и акты органов валютного регулирования подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные акты валютного законодательства РФ и акты органов валютного регулирования не применяются. Правда, указанное правило не распространяется на акты или отдельные положения актов органов валютного регулирования, содержащие сведения, составляющие государственную тайну в соответствии с Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

Органы валютного контроля могут издавать акты валютного контроля по вопросам, отнесенным к их компетенции, только в случаях и пределах, предусмотренных валютным законодательством РФ и актами органов валютного регулирования. Акты органов валютного контроля не должны содержать положения, касающиеся вопросов регулирования валютных операций.

Важным принципом валютного права, характеризующим его правовой режим, выступает закрепленное в ст. 4 Закона о валютном регулировании положение о том, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов валютного законодательства РФ, актов органов валютного регу-

лирования и актов органов валютного контроля толкуются в пользу резидентов и нерезидентов. Указанное положение аналогично налогово-правовой норме, закрепленной в п. 7 ст. 3 НК РФ.

Таким образом, валютное законодательство устанавливает основные принципы проведения операций с валютой РФ и с иностранной валютой на территории РФ, регулирует вопросы валютного контроля, ответственности субъектов валютных отношений за нарушение валютного законодательства, определяет права и обязанности должностных лиц, органов и агентов валютного контроля.

Важной дискуссионной проблемой остается вопрос: являются ли источниками валютного права судебная и арбитражная практика, в частности акты правосудия Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ?

Между тем вопрос об отнесении к источникам валютного права решений Конституционного Суда РФ практически решен. Как известно, Конституционный Суд РФ занимается толкованием Конституции РФ, т. е. разъясняет смысл интерпретируемых норм¹. Результатом такого толкования является правовая позиция Конституционного Суда РФ – это прецедент толкования конституционной нормы, выраженный в мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ (т. е. имеет письменную форму и обладает нормативным значением).

¹ См. подр.: *Эбзеев Б. С.* Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право, 1998. № 5. С. 7.

Нормативное толкование Конституционного Суда РФ рассчитано на неоднократное применение, осуществляется в отношении широкого круга общественных отношений, к тому же является официальным и обязательным. Правовая позиция Конституционного Суда РФ распространяется не только на участников конкретного конституционного спора, при рассмотрении которого она была сформулирована, но направлена неограниченному кругу лиц. Поэтому, как справедливо указывает Б. С. Эбзеев, все решения Конституционного Суда РФ являются источниками права и им присуща материально-правовая сила закона¹.

Как указывает Н. В. Витрук, на основе решений Конституционного Суда РФ законодательные органы, не дожидаясь отмены положений закона, противоречащих правовой позиции Конституционного Суда РФ, должны самостоятельно внести соответствующие коррективы в действующие законы².

В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда РФ обязательны не только для участников конституционного спора, но и для иных субъектов права.

Поэтому важнейшим здесь становится то обстоятельство, что фактически Конституционный Суд

¹ Там же.

² См.: Современное состояние российского законодательства и его систематизация: «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право, 1999. № 2. С. 29.

РФ в определенных пределах выполняет правотворческую функцию, осуществляя конкретизацию норм Конституции РФ. Конституционный Суд РФ создает новые нормы, в особенности процедурного характера, восполняет пробелы Конституции¹.

Как указывал Л. В. Лазарев, прецеденты, создаваемые Конституционным Судом РФ, как и акты, собственно, толкования, имеют нормативно-регулирующее значение и в этом смысле также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений².

Правовые позиции Конституционного Суда РФ в отношении проблем налогообложения, как правило, выражены в особой форме. Конституционный Суд РФ в ходе рассмотрения дел о проверке конституционности нормативных актов о валютном регулировании и валютном контроле толкует конституционные нормы и формулирует основные принципы валютного регулирования. В случае, если нормативные акты о валютном регулировании и валютном контроле противоречат этим принципам, Конституционный Суд РФ объявляет эти акты не соответствующими Конституции РФ.

Поэтому изучение правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам валютного регулирования в основном состоит в изучении сформулированных в постановлениях Конституционного

¹ Там же. С. 27.

² См.: *Лазарев Л. В.* Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права // Журнал российского права, 1997. № 11.

Суда РФ основных принципов регулирования валютных отношений, определении их содержания, сфер и способов применения. Решения Конституционного Суда РФ, содержащие нормы, так или иначе регулирующие валютные операции, являются важными источниками правового регулирования валютных правоотношений. Достаточно напомнить, что правовые позиции Конституционного Суда РФ были во многом учтены при принятии Закона о валютном регулировании.

В отношении же судебной и арбитражной практики в целом необходимо отметить, что хотя вопрос о судебной практике как источнике правового регулирования валютных отношений является дискуссионным, нельзя не признать, что акты правосудия – решения Верховного Суда РФ оказывают существенное влияние на практику применения валютного законодательства.

Библиографический список:

1. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004.
2. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2004.
3. Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2000.
4. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт-М, 2001.
5. *Марченко М. Н.* Источники права. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005.
6. *Hamann F.* Das Staatsrecht der Postcommunitismrepublic. Munchen: BEK Verlag, 2004.

7. *Белкин А. А.* Актуальные вопросы теории и практики источников права. М., 2006.
8. *Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А.* Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. М.: Профобразование, 2002.
9. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1911.
10. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.
11. Теория права и государства / Под ред. Г. Н. Манова. М., 2000.
12. *Кечекьян С. Ф.* О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. М., 1946. Кн. 2.
13. *Зивс С. Л.* Источники права. М., 1982.
14. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. II. М., 1982.
15. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. М., 1940.
16. *Карева М. П., Кечекьян С. Ф., Федосеева А. С., Федькин Г. И.* Теория государства и права. М., 1955.
17. *Зивс С. Л.* Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М.: Изд-во АН СССР.
18. *Александров Н. Г.* Понятие формы права // В кн.: Основы теории государства и права. М.: Госиздюрлит, 1963.
19. *Шебанов А. Ф.* Форма советского права. М., 1968.
20. Общая теория права. Академический курс / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. М., 1998.

21. *Муромцев Г. И.* Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия высшей школы. Правоведение. М., 1992. № 2.
22. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970.
23. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1996.
24. Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. Н.-Новгород, 1993.
25. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1982.
26. *Мицкевич А. В.* Акты высших органов Советского государства. М., 1967.
27. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972.
28. *Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А.* Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. Часть I. М.: Профобразование, 2002.
29. *McLeod I.* The Legal Theory. London, 1999.
30. *Гурова Т. В.* Источники российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.
31. *Эбзеев Б. С.* Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право, 1998. № 5.
32. Современное состояние российского законодательства и его систематизация: «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право, 1999. № 2.
33. *Лазарев Л. В.* Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права // Журнал российского права, 1997. № 11.

СОЦИУМ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Г. И. ТЫЦКАЯ

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, доцент кафедры международного права и международного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, доцент (117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а, Тел.: (499) 288-77-91; info@rgiis.ru)

«ГАРМОНИЯ» И «АРИСТОКРАТИЯ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: гармония; аристократия; чувство меры; чувство красоты; благородство; личность человека; нравственное начало; опора гармонии

Аннотация: Понятия «гармония» и «аристократия» возникли в античной философской мысли Древних Афин. При рассмотрении этих не связанных, на первый взгляд, понятий, оказалось, что они имеют глубокую общую культурно-нравственную основу. Таким образом, обладая богатым содержательным потенциалом, они оказали влияние на последующее развитие европейской мысли в разных областях культурной деятельности

человека, внося интересные и полезные идеи в сферу управления и образования.

Два термина – гармония и аристократия возникли в связи с развитием античной и прежде всего древнеафинской мысли, богатое наследие которой привело к появлению понятия, ставшего их первоосновой, это понятие «аристо» по-гречески «лучшее», позволявшее, очевидно, увидеть то «лучшее», что заложено в человеческой природе т. е. лучшие свойства натуры человека и их влияние на мир человеческих отношений

Содержание понятия «аристо» как «лучшее» было достаточно обстоятельно рассмотрено в нашей литературе¹, и сформулировано автором приводимого произведения как чувство собственного достоинства.

Как представляется, с таким пониманием «лучшего» нельзя не согласиться, поскольку в России оно позволяет прежде всего повысить самосознание человека у предков, которого в силу личной и экономической зависимости оно не могло сложиться, а напротив, появилось чувство приниженности, вызвав признание его как ответную реакцию у общества. В связи с чем Д. С. Лихачев ратовал за создание в обществе норм и формирование ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества². Ранее об этом, как мы помним, говорили еще Л. Н. Толстой («Так что же нам делать?») и М. Горький («На дне»).

¹ См. *Акунин-Чехартошвили Б.* Аристократия. М.: Захаров, 2017. С. 81, 85.

² Российская газета. 2004. 21 апреля.

Иная атмосфера отношений позволила бы изменить понимание человеком своего положения в обществе уже как индивида

Рассматривая содержание «лучшего», нельзя, наверное, не упомянуть примыкающие к нему в древних Афинах обязанности человека «соблюдать меру», а также «познать самого себя» как непреходящих заветов, приводимых на входе в Дельфийский храм Аполлона

I. Обязательное соблюдение чувства меры обращалось установлением гармонии (соразмерности (греч) как естественного соответствия отдельных элементов в общем их согласии, создающих единство. В свою очередь гармония рождает чувство красоты как невольное отношение к достигнутому согласию

Культура по существу может пониматься как развитое чувство красоты при восприятии человеком гармонии в любой сфере бытия – в предметном мире или мире общения

Как результат чувства меры, гармония может быть проявлена в разных сферах жизни человека. Она может быть звуковой, как сочетание звуков, которые в своем единении привлекают внимание и заставляют вслушиваться в музыкальное произведение, его исполнение.

Она может быть зрительной, представленной естественной картиной природы или картиной, созданной мастером по своему вдохновению, побуждая зрителя всматриваться в нее от ощущения возникающей гармонии, заложенной в увиденном.

В силу того, что человек как отмечается в литературе¹ в плане культуры обладает способом обеспечения бытия, позволяющим более эффективно решать задачи, свойственные всему живому, человек поэтому прежде всего становится органически связанным с окружающей средой обитания. Но у человека цивилизованного мира (Напомним, что цивилизация (лат. *civilis*) означает гражданский, государственный) помимо нее возникает и иное соотношение с условиями бытия: для него требуется преобразованная человеком упорядоченная среда обитания, способная устранением хаоса и достигаемой гармонией воспринимать ее положительно.

Иными в отличие от него служат запросы человека архаичной (догосударственной) культуры, главным в среде обитания, для которого является ее неизменность (даже если это хаос) и воинственное стремление не допустить каких-либо перемен, сохраняя традицию².

Наконец гармония может быть проявлена в социальной сфере. Это отношения между людьми, овеянные гуманностью, когда чувство меры проявляется прежде всего в соотношении интереса отдельного человека с интересами окружающих его людей, украшая среду обитания приятностью друг к другу, выделяя человека как личность

Вживание гармонии в бытие человека воспитывает в нем чувство красоты и усиливает движение в сторону цивилизации, что совершенствует куль-

¹ См. Н. Г. 2011. 18 ноября.

² См. Яковенко И. Познание России. Цивилизационный анализ. М.: РОСПЭН, 2012. С. 19–22.

турное пространство человека, влияющее на его бытие.

Важной частью культурного пространства становится закон, принятый на основе разных взглядов, но в итоге обсуждения достигнутого единого мнения как результата общего согласия граждан и поэтому подлежащий исполнению.

Для укрепления его позиций в случае нарушения в древних Афинах была разработана специальная процедура – Графэ, включающая и обсуждение в суде и публичное ознакомление граждан с новым проектом закона. Так или иначе внутри каждой страны могли быть разработаны свои способы восстановления порядка.

Возникает вопрос о том, как быть, если в культурном пространстве, основа порядка в котором закреплена международными соглашениями в пределах этого пространства происходит его нарушение.

Идея гармонического сочетания международных отношений как совместно принятого странами-участницами соглашений могла бы быть подкреплена в случае его нарушения возможностью воздействия на нарушителя мерами этического характера, в частности путем созыва под эгидой ООН, международного этического парламента, участниками которого на общественных началах могли бы стать представители мировой общественности – ученые, работники творческих профессий (писатели, публицисты, преподаватели и др.) Не связанные с деятельностью, основанной на капитале.

Они могли бы собираться *ad hoc* для обсуждения проблемы нарушения и возможности восстановле-

ния нарушенного культурного пространства в пределах конфликта для дальнейшего его сохранения в границах мирового сообщества в целом.

В области политической – это отношение власти и общества, но, прежде чем находить согласие с властью могла возникнуть потребность обрести его в самом обществе, представленном разными силами, часто противоречащими друг другу.

В результате решение было найдено посредством совместных усилий, проявленных при принятии закона как результата общего согласия разных сил социума. По мысли Аристотеля порядок и есть закон и именно ему следует подчиняться, поскольку человек может приносить в управление и животное начало, а страсть и гнев как нечто животное свращает с истинного пути правителей. Поэтому предпочтительно, чтобы властвовал закон, как свободный от безотчетных порывов разум¹.

Таким образом, гармония, можно сказать, была найдена в законе, который закрепил необходимое соответствие власти и общества.

Этот подход был использован в древних Афинах путем широкого привлечения граждан к управлению посредством участия в суде и народном собрании, в котором граждане могли быть представлены носителями разных идей, но над самим державным демосом был поставлен закон².

Возможность представлять в управлении (народном собрании) разные идеи отражает мысль Ари-

¹ См. *Аристотель*. Политика. СПб: Азбука, 2015. С. 139.

² См. *Бузескул В. П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 185.

стотеля об использовании принципа взаимного воздаяния как спасительного для государств¹ означающего, по существу, необходимость учитывать разные мнения общества, отражающие широкий спектр его интересов.

II. Аристократия как сложно составное слово складывается из двух частей, каждое из которых имеет свое значение. Аристо – лучшее (греч.), вторая – Кратия (греч.) как власть означает отношение к первому. В данном случае возможно это взаимоотношение с ней путем принятия к исполнению или обязанности исполнять все лучшее что заложено в природе человека, являя это в общении с другими людьми.

Можно очевидно сказать, что такое содержание термина представляет некую формулу благородства человека как избравшего для себя личные качества, определяющие самоуважение и, в свою очередь, формирующие чувство собственного достоинства. В свою очередь эти свойства личности были предопределены запросом общества, окружающего человека.

Одновременно оно отражает и главное содержание гуманизма – свойства украшающего отношения в обществе, равно как и бытия человека в целом.

Невольно представляется что воспитание аристократического чувства в сознании подрастающего поколения могло бы стать одной из важных задач школьного обучения, программы которого должны были бы включать и воспитательные элементы – обучение тому, как быть человеком.

¹ См. *Аристотель*. Политика. СПб: Азбука, 2015. С. 41.

Рассмотренное нами содержание термина «аристократия» представляет собой аристократа по духу как воспринявшего лучшее что заложено в природе человека. Но такое же название – «аристократии» получило и сословие общества в дореволюционной России, занявшее в нем высшее положение, относительно которого предполагалось обладание названными свойствами. Но это не было обязанностью, хотя высокое положение его представителей обязывало его ориентироваться на обладание названными достоинствами. И, очевидно, то лучшее, что было использовано в программах дореволюционной России, гимназических и лицейских образовательных учреждений, которые имели желаемую направленность, российское дворянство во многом могло воспринимать как заряд воспитательного начала этих программ.

Очевидно, возможность их использования для обогащения действующих школьных программ могло бы представлять интерес для совершенствования содержания учебного процесса, в связи с чем, было бы, наверное, полезно проведение публичного обсуждения такого начинания, как в специальных, так и в более широких общественных кругах.

Говоря о воспитательных началах учебных программ, представляется интересным обратить внимание на опыт древних Афин, где, задумываясь о совершенствовании общественных отношений, пришли к пониманию значения человеческой личности как части общества и, таким образом совершенствование его виделось через совершенствование человека.

Проблема в Афинах возникла в связи с тем, что политическая система полиса давала большие возможности для проявления человека и появилось в этой связи также понимание, что для поддержания равновесия в обществе в этих условиях необходима еще одна опора для сохранения устойчивости гармонии

Основателем направления развития философской мысли изучения общества через посредство самого человека стал Сократ, который провозгласил главной задачей для человека его нравственное совершенствование. Путь к нему он видел в одном из заветов приводимом на входе в дельфийский храм Аполлона: «Познай самого себя»¹.

Каждый человек через эту формулу завета, очевидно, должен был бы становиться ответственным перед собой, критически относясь к своим поступкам и замыслам с тем, чтобы совершать или нет, в дальнейшем подобные.

В этой связи, придавая особую значимость нравственной сущности человека, Сократ считал, что она должна быть связана не только с совершенствованием его знаний, профессиональных возможностей, но, прежде всего с тем, кем быть ему, как человеку – размышлять, исследовать, понимать и становиться лучше².

Думается, что укрепление нравственного начала человека в этом случае стало рассматриваться как внутренний противовес широким возможностям его личности.

¹ См. История мировых цивилизаций. М.: Дрофа, 2002. С. 71.

² Н. Г. 2017. 28 июля.

И несмотря на истекшие века, решение, найденное Сократом как некий опыт античного времени, мог быть учтен и в наши дни уже в условиях нового времени, когда стремление к свободе личности становится все более заметным явлением. Уже начиная с XIX, вспомним А. С. Пушкина: «мы ждем с томленьем упования минуты вольности святой...» (К. Чаадаеву)

В дальнейшем эти настроения продолжают со-
путствовать развитие российского общества.

Но так или иначе, закладывая основы нравственного развития с раннего этапа обучения, в свете решения, найденного Сократом, могли бы выработать внутренний противовес возможностям свободы даваемой личности и таким образом, постепенно обеспечить создание той необходимой опоры для достигаемой гармонии, которая важна при любом ходе развития общества.

В заключении хотелось бы сказать, что как представляется, вживание понятий гармонии и аристократии в культурное пространство могло бы послужить делу расширения благодатной среды развития общества посредством использования начального периода формирования личности как в бытовой сфере бытия, так и укрепления гуманистических начал в сфере отношений внутри общества.

В этой связи предложения по совершенствованию школьных программ могло бы найти практическое воплощение

Библиографический список:

1. *Аристотель*. Политика. М.: Азбука-аттика, 2015.
2. *Акунин-Чехартошвили Б.* Аристонмия. М.: Захаров, 2017.
3. *Сьюзен Уайс Бауер*. Аристократия. История древнего мира. М.: АСТ, 2015.
4. *Бузескул В. П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003.
5. *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
6. История средних веков / Под ред. Н. Ф. Колесниченко. М.: Просвещение, 1980.
7. *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986.
8. *Косарев А. И.* История государства и права зарубежных стран. М.: Наука, 2002.
9. *Плутарх*. Сравнительное жизнеописание. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.
10. *Дэвид Т. Райс*. Византийцы. Наследники Рима. М.: Центрполиграф, 2003.
11. *Хачатурян В. М.* История мировых цивилизаций. М.: Дрофа, 2000.
12. *Яковенко И.* Познание России цивилизованный анализ. М.: РОСПЭН, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

B. N. MONAKHOV

National Research University «Higher School of Economics»

FIRST ONLINE INFORMATION FREEDOM: BACKGROUND. CURRENT STATE. DEVELOPMENT PROSPECTS

Keywords: freedom of expression; freedom of speech; freedom of information; freedom of media; global information society; global media; cyberspace; wiquilization of the world information space; digital world information order; Law; ethics; regulation; restrictions; liability

Annotation: The article reveals the concept, social role and significance of one of the most significant freedoms of the emerging global information society of the XXI century - freedom of expression, with an information and legal emphasis on its basic component - freedom of speech. A number of issues and problems arising in the ethical and legal protection of this freedom are analyzed as it develops in the digital environment de facto acquiring the quality of the first online information freedom. In this capacity, it replaces its offline predecessor, notably the First Amendment to the United States Constitution, as is known to

have deprived Congress of the authority to regulate freedom of oral or printed expression. Proposals have been put forward and are being substantiated containing relevant information, legal and other doctrinal and legislative innovations designed to adequately respond to the challenges of a radical counter-elite populism and, therefore, a seemingly and dangerously chaotic, world's first quarter of the 21st century. The author tries to show the horizons and concrete outlines of the new digital reality in which the modern format of freedom of speech lives and is implemented. In particular, to provide legal support for the expanding precedents of the wiki of the world information space, to study the role and features of the SAMO regulatory and regulatory institutions in solving legal and ethical problems arising during these processes. The author of the article in his specific proposals for improving the regulatory impact on the implementation and development of the first information online freedom does not claim their finality and completeness, But it was a good indication of the future direction of the international and national communities in seeking the necessary international legal and national regulatory instruments to ensure the harmonious and sustainable development of that freedom in a digital environment.

I. A. KUMYLGANOVA

Lomonosov Moscow State University

**BRITISH EXPERIENCE OF ELECTRONIC
INFOCOMMUNICATIONS REGULATION**

Keywords: electronic information communications of Great Britain; media self-coregulation; Ofcom; media responsibility systems; journalistic accountability

Abstract: The article is considering activity of the electronic information communications regulator of Great Britain. The author proves researching need of media accountability systems, and represents foreign experience on the example of formation and development of concrete media co-regulation institute. The special attention is dedicated to the studying of analytical and statistical work, regulation acts and modern practice of the considered organization.

S. B. KOKINA

National Research University «Higher School of Economics»

THE LEGAL STATUS OF THEATER DIRECTOR

Keywords: objects of related rights; conception of work; protection terms of theatrical staging; theater director; director's instructions for theater performance; fixation of theatrical staging

Annotation: The author analyses the issues of the legal protection of theatrical staging, its fixation, director's instructions for theater performance and the status of theater director as the owner of the intellectual

rights to the stage production. Theater directors have three objects of his intellectual rights falling under different protection regimes – copyright and related rights. The legal regime of all three objects is arguable. Currently, theatrical staging is protected by the norms of related rights. Protectability other two objects is unclear. These three objects affect the legal status of theater director, which is included in the concept of “performer”. However, theater director’s creative activity has significant specific character in comparison with performing artist’s activities. The author proves copyright nature of theater director’s rights on all said three objects.

E. V. KOVALEVA

Russian State Academy of Intellectual Property

GENESIS OF THE SOCIAL HOUSING CONTRACT

Keywords: contract; rental of housing; Housing Code; housing stock

Annotation: Guaranteed Art. 40 The Constitution of the Russian Federation quite often allows citizens to exercise the right to housing only with substantial assistance and support from the State. That is why paragraph 2 of that article establishes that State and local authorities shall encourage housing construction and create conditions for the exercise of the right to hous-

ing. The article discusses the genesis of the contract of tenancy of the housing stock of social use.

M. A. YAKOVLEVA

International research institute

**FINANCIAL, LEGAL
AND ECONOMIC BASES OF INTEGRATION
IN THE POST-SOVIET SPACE**

Keywords: financial law; banking system; financial integration; Eurasian Economic Union; transnational banks

Annotation: The article is devoted to the integration processes in the Eurasian region in their financial and legal aspect. As is well known, the stated objectives of financial and banking integration in the post-Soviet area are, in the long run, the creation of a common financial market and, following the harmonization of legislation, the creation of a single supranational regulator of financial markets.

A. A. TEDEEV

National Research University «Higher School of Economics»

ON THE SOURCES OF RUSSIAN CURRENCY LAW

Keywords: financial law; currency law; sources of law; currency regulation; currency control; legislation

Annotation: The article considers formal sources of currency law. It is noted that the sources of currency law are a set of officially defined external forms, which contain rules governing the relations arising in the process of functioning of the system of currency regulation, i.e. forms of external content of currency law.

G. I. TYTSKAYA

Russian State Academy of Intellectual Property

«HARMONY» AND «ARISTOCRACY» IN THE CONTEXT OF CULTURAL SPACE

Keywords: harmony; aristocracy; sense of measure; sense of beauty; nobility; personality of man; moral principle; support of harmony

Annotation: The concepts of «harmony» and «aristocracy» appeared in the ancient philosophical thought of Ancient Athens. In considering these seemingly unrelated concepts, it turned out that they share a deep common cultural and moral foundation. Thus, with

their rich potential, they influenced the subsequent development of European thought in various fields of human cultural activity, bringing interesting and useful ideas to the sphere of management and education.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

– журнал публикует материалы (научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы) по фундаментальным и прикладным проблемам авторского права, информационного права, права интеллектуальной собственности;

– все представленные к публикации материалы в обязательном порядке проходят научное рецензирование с целью их экспертной оценки. Рецензентами выступают признанные специалисты (члены редакционной коллегии журнала и сторонние эксперты) по тематике рецензируемых материалов, имеющие в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензия хранится в издательстве и в редакции в течение пяти лет;

– в журнале печатаются материалы, ранее не опубликованные и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях; автор может опубликовать в одном номере журнала не более одного материала; все материалы проверяются на наличие плагиата;

– плата за публикацию материалов не взимается; авторам гонорар не выплачивается;

– элементы издательского оформления материалов включают: сведения об авторах; заглавие материала; подзаголовочные данные; аннотацию (на русском и английском языке); ключевые слова (на русском и английском языке); приложения; обязательный пристатейный библиографический список, оформлен-

ный в соответствии с правилами журнала; допускается использовать дополнительные элементы издательского оформления; представляются также на английском языке: название статьи, аннотация, ключевые слова, фамилия, имя, отчество автора(ов); отдельно необходимо указать контактный телефон и адрес электронной почты для оперативной связи, адрес с индексом для отправки номера журнала. При опубликовании научной статьи на русском языке обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и английском языках, при опубликовании научной статьи на иностранном языке, обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и иностранном языках;

- объем материала не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков);

- редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса;

- электронные носители и рукописи авторам не возвращаются;

- аннотации материалов, ключевые слова, информация об авторах будут находиться в свободном доступе на сайте Кафедры, в системах цитирования на русском и английском языках после выхода журнала; через год после выхода номера журнала его полнотекстовая версия будет размещена на сайте Кафедры.

Полный текст Правил представления рукописей авторами размещен на сайте www.unescochair.ru

Учредитель и издатель:
АНО «Творческий центр ЮНЕСКО»
117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 55А, каб. 112.

Адрес редакции: 117279, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.
Почтовый адрес: 123022, г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436,
Кафедра ЮНЕСКО

www.unescochair.ru
unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Подписано в печать 21.12.2018 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 9,1 п. л.

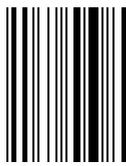
Тираж 300 экз. Заказ 181.
Отпечатано в типографии НОУ «ПМБ ЕГУ».
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Свободная цена.

ISSN 2225347-5

9 772251 347000

1 8 0 3 4